

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 49 ДЕКАБРЬ 1980

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О ПРОЕКТЕ ЦК КПСС К XXVI СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР НА 1981—1985 ГОДЫ И НА ПЕРИОД ДО 1990 ГОДА»

1. Одобрить проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

2. Опубликовать проект ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» 2 декабря 1980 г. для всенародного обсуждения.

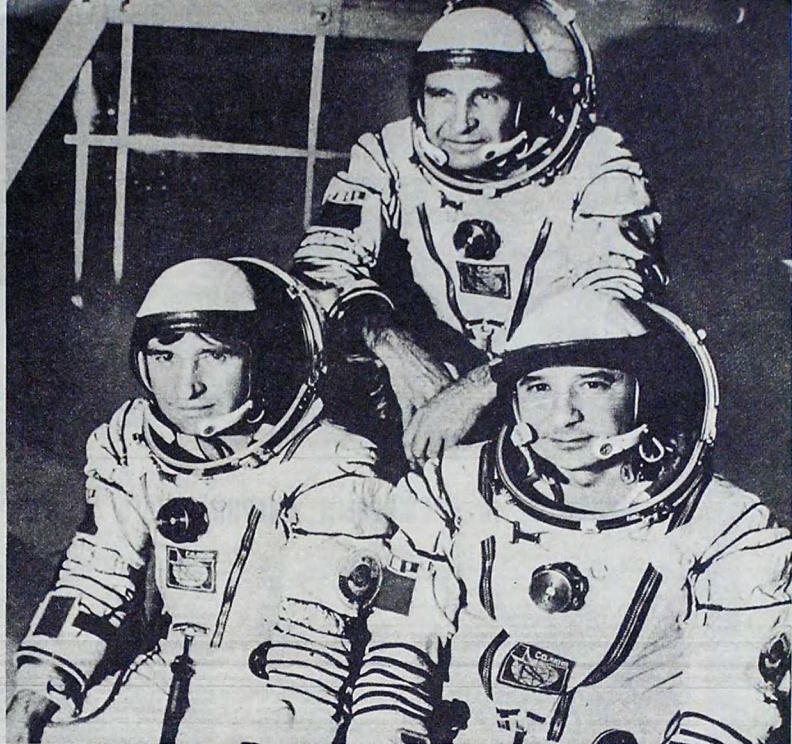
3. Провести обсуждение проекта «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в трудовых коллективах, учебных заведениях, воинских частях, в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на собраниях актива и пленумах партийных комитетов в районах, городах и округах, на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик, в печати, по радио и телевидению, в системе партийной, комсомольской и экономической учебы, а также беседы по месту жительства граждан.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. БРЕЖНЕВ

Р. ГЕОРГИЕВА

27 ноября стартовал к орбитальной станции новый трехместный космический корабль «Союз Т-3». Экипаж в составе командира подполковника Леонида Денисовича Кизима, бортинженера Олега Григорьевича Макарова и космонавта-исследователя Геннадия Михайловича Стрекалова приступил к работе.

Сколько стыковок, перестыковок происходило у причалов станции, и у каждой свой почерк. Юрий Малышев и Владимир Аksenov полгода назад подводили «Союз Т» вручную, а сейчас всю операцию решили доверить автоматике. Работает бортовой вычислительный комплекс. Такого на серийных «Союзах» не было. Он выводит полную информацию обо всем, что происходит, на экраны Центра управления полетом. И точно такую же информацию сейчас видит экипаж на своем дисплее. Пожаруиста, глядите: вот с какой скоростью я веду корабль, вот расстояние до станции, вот как расходуются топливо на корабле. Со стороны кажется, что против старых «Союз Т-3» продвигается как-то ме-

Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Экипаж космического корабля «Союз Т-3».

На снимке [слева направо]: инженер-исследователь Г. М. Стрекалов, бортинженер О. Г. Макаров и командир корабля Л. Д. Кизим.

Фото А. Пушкарева [ТАСС]

ТРЕХ НА ОРБИТЕ

нее решительно. «Нет, нет,— возражает Владимир Аksenov,— в бортовой вычислительный комплекс заложен именно такой алгоритм, и системы работают в точном ему соответствии».

Дальнейшие события поясняют мысль Аksenova. Есть режим при стыковке, когда корабль подходит к станции и остановится, зависнет. Он берет как бы тайм-аут на размышление перед последней, самой важной операцией. А сейчас «Союз Т-3» успешно приблизился к станции и без всяких задержек уверенно причалил к «Салюту». Затем прочно, с усилием 20 тонн, соединяется со станцией. Все! Теперь на станции появились три новых хозяина. Тринадцатая по счету экспедиция приступила к исследованиям.

— Привет, ребята, поздравля-

ем!— несется с Земли,— Олег, ты киосвет укрепил резинкой к велосипеду, чтобы телевизионная картинка с борта была хорошей. А подключить— слышится в эфире знакомый бас,— лучше всего к розетке под душем.

— Валера, это ты? Откуда ты взялся!— кричит в ответ Олег Макаров.

Валерий Рюмин объясняет, что он звонит из санатория, где они с Леном Поповым проводят послепопутный отдых. Не выдержала душа, подумал, хозяйство сложное, да еще за эти полгода они все так перекроили на станции, и помощь их сейчас будет как нельзя кстати. Спасибо связистам— помогли организовать такой необычный радиомост. И пошло обсуждение, для чего такая то крышечка, где спрятаны запас-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

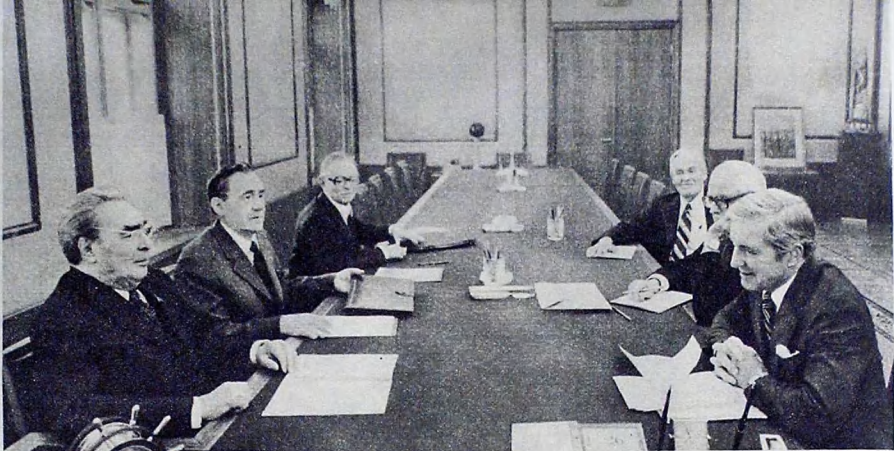
1923 года

№ 49 (2786)

6 ДЕКАБРЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

Во время беседы.

Фото В. Мусазьяна (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ АМЕРИКАНСКОГО СЕНАТОРА Ч. ПЕРСИ

26 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле многого политического деятеля США, сенатора-республиканца Чарльза Перси.

В беседе приняла участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В ходе беседы Л. И. Брежнев обратил внимание на серьезное обострение, которое произошло в советско-американских отношениях, что самым негативным образом отозвалось на общей международной обстановке. На этом фоне и пренебрежением оценок конфликтов в мире прибавились другие, начавшие новый, не нами затеянный виток гонки вооружений, возросла военная опасность в мире.

Л. И. Брежнев выразил убеждение, что при взаимном желании сторон улучшить положение можно. Для этого необходимо проявить политическую волю, проводить взвешанный, реалистический курс.

Мы не хотели и не хотим ухудшения отношений с Соединенными Штатами, сказал Л. И. Брежнев. Тем более не хотим, чтобы озабоченность отброшенными то положительное, что было достигнуто совместными усилиями ранее. Советский Союз — сторонник упрочения и развития отношений с Соединенными Штатами на долговременной основе.

Л. И. Брежнев подчеркнула бесперспективность попыток добиться военного превосходства в СССР. Советский Союз — та страна, с которой можно разговаривать на такой основе. Единственно надежный путь развития советско-американских отношений — соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности.

В этой связи Л. И. Брежнев отметил важность того, чтобы не создавалось застой в усилиях сторон по ограничению на взаимной основе стратегических вооружений. Успех этого дела — сердцевина всей международной безопасности.

Существует немало и других важных и актуальных международных проблем, для решения которых Советскому Союзу и Соединенным Штатам нужно найти общий язык. У Советского Союза, заявил Л. И. Брежнев, нет недостатка в готовности вести дело с Соединенными Штатами конструктивно, при взаимном учете законных интересов друг друга. Мы вполне могли бы сотрудничать как равные партнеры, если с американской стороны также будет проявлена готовность к этому.

Сенатор Перси изложил свою оценку международной обстановки и состояния советско-американских отношений. Он высказался за их улучшение, в пользу обсуждения широкого круга вопросов, представленных в текущих решениях. В этой связи он особо подчеркнул важность продолжения процесса ограничения на взаимной основе стратегических вооружений, важность того, чтобы обеими сторонами были приняты меры с целью не допустить возникновения губительной для человечества ядерной войны.

В беседе, прошедшей в деловой обстановке, участвовали также: с американской стороны — посол США в СССР Т. Тэтсон и сопровождавший сенатора Перси в поездке в СССР президент американской компании «Моторола» Р. Гэллин; с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

ные детали, как лучше использовать шланг, помеченный красной изолентой, а не синей...

— Здесь у вас такой идеальный порядок! — ахнешь, в принципе не понимаю, как вы это добились, — восхищенно бурмочет Макаров.

Порядок действительно прежде хозяева любил, хотя и трудно было блюсти его в космосе. Например, как-то повредили пластмассовый резервуар с водой для полива растений. Мгновенье — и два с лишним литра воды превратились в гигантский шар. Леонид и Валерий нашли решение, хотя и мало приятное, но единственно правильное. Выпили этот водичный шар, ни капельки не осталось. Не дай бог попасть воде на аппаратуру или иллюминаторы! Трудно от нее избавиться в невесомости — физике другая.

Чего только героического, смешного и грустного не видел «Салют» за три года службы на орбите! Когда его проинспектировал Леонид, воображать не могли, что их детище окажется таким живучим. Конечно, за эти годы не раз ремонтировали аппаратуру, много приборов заменили на новые. За все от всех работ, проведенных на

«Салюте», окупила расходы, по существу, можно уже было расставаться с ним. Но станция жила, вот только есть некоторые блон и элементы, у которых кончился ресурс. Их надо менять и таким образом можно продлить станцию жизни и вместе с тем расширить опыт разнообразных технических операций в невесомости. Поэтому в новом экипаже два инженера.

Другая, не менее важная задача полета — испытание корабля «Союз-Т» в трехместном варианте. Выкрыть лишнее место в корабле (он поначалу принципиально новый, но форму и объем сохранил от традиционного «Союза»), не поступившись главным — надежностью, конструкторам было очень непросто. В будущем это место для «узкого» специалиста — врача, астронома, а может, придет время, его займет и журналист.

«Союз-Т-3» стал на порядок умнее, это уже и стыковка показала. Но в реальном полете надо еще проверить солнечные батареи. Они вновь появились на корабле, но уже принципиально иные. Интересно, как покажет себя объединенная двигательная установка, она должна быть намного экономичнее, чем старые двигатели корабля много, но в то же время убранные ненужные, маносные, в каком-то смысле элементы. Вот раньше был автомат, который регулировал температуру. Заменяем его двадцать градусов, так он име-

ет право на перерегулирование — сначала доведет до 30, а потом будет держать 20, но уже упорно, до новой команды. Сейчас подобные параметры решили монтировать вручную по необходимости. Это прорыв и надежнее. Слово «Союз-Т-3» — это результат огромного опыта всех прежних полетов. Новый корабль и по интерьеру своему уже ничем не похож на кабину самолета, в скором времени так, как привыкли нас фантасты представлять себе корабли будущего.

Непривычно видеть троих в корабле. По нашим земным представлениям, им, пожалуй, тесновато. В центре — командирское кресло. Сейчас его занимает Леонид Кизим, 48-й советский космонавт.

Есть люди, которые могут жить только одной идеей, не разбрасываясь, не отлекаясь, все в себе подчиняя ей. Таков Леонид. Сейчас он просто фанатически предан своему кораблю, может рассказать о машине бесконечно и все в превосходных степенях — какая она уная, замечательная, тонкая; говорит о ней, как о любимой. Но любовь эта трудная... Потребуется годы тяжких усилий, чтобы она стала взаимной.

— Леонид очень много работает, — рассказывал Макаров, — причем если я какую задачу решаю, то выбираю тот минимум информации, который необходим именно для ее решения, а Леонид задает так утомляет, что он подчас забывает, что из нас надо выйти. Он ищет все шире, шире, потом когда его спрашиваешь, зачем ты сюда-то влез, ведь задача этого не требовала, он как-то удивляется, догдо на тебя надо смотреть, а потом отвечает смущенно: «Да, действительно, но это меня очень заинтересовало».

Вот как же беззаветно он мечтал когда-то стать летчиком. В журналах рылся, выписывая, нет ли рецептов, как стать пилотом, уже очень был маленьким, самым малорослым из сверстников. В училище дважды поступал: комиссия в первый раз по этой самой причине его не пропустила. Чего только он не делал и действительно вырос на три сантиметра!

Леонид Кизим знает практически все типы самолетов, 1600 часов — таков его налет. Крепкий,

МЕТАМОРФОЗЫ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

Мадридская встреча, которую администрация Картера замышляла превратить в «словесную корриду», приобретает неожиданный для зачинщиков пустошности болевший оборот: многие западно-европейские делегации высказываются за рассмотрение конкретных шагов в сфере военной разрядки на континенте.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что в их речах содержится и немало наиболее осмысленных алобных выводов — дежурное блюдо в угоду «атлантической солидарности». Но главное все же, пожалуй, озабоченность, проявленная за судьбы разрядки в Европе, стремление продолжать позитивный процесс, начало которому было положено подписанием Хельсинкских соглашений.

Новые мирные инициативы СССР, отражающие чаяния народов не допустить развязывания ядерной войны, встретили широчайшую поддержку в мире со стороны многих политических партий разных направлений, общественных и профсоюзных организаций, государственных и политических деятелей. Западные правительства не в состоянии игнорировать этот бурный прилив антивоенных настроений. К тому же переживаемый всеми странами ЕЭС да и США глубокий экономический спад, инфляция и обострение энергетических трудностей вынуждают заняться взрывоопасными внутренними проблемами.

Так или иначе, на Мадридской встрече представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, из 35 участников дискуссии не менее 25 делегатов прямо говорили о желательности и необходимости созыва конференции по военной разрядке.

Инициатива созыва такой конференции — лишь один из элементов программы упрочения мира, выдвигаемой Советским Союзом совместно с братскими странами социализма. На XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР выдвинул развернутые предложения о прекращении гонимых ядерных вооружений и отказе от применения сил, об ограничении и сокращении стратегических вооружений и военных расходов, о предотвращении несанкционированного нападения, укреплении режима нераспространения ядер-

ного оружия, запрещении других средств массового уничтожения, отказе от расширения существующих военно-политических группировок, призыве все государства начиная с 1 января 1981 года не расширять свои вооруженные силы и не увеличивать обычные вооружения.

Мы с пониманием относимся к инициативам всех государств, открывающим перспективные пути в мировой политике и противостоят конфронтации, к которой ведут дело агрессивные круги. На недавних советско-финляндских переговорах, например, СССР вновь поддержал выдвинутый президентом У. Никсоном план превращения Северной Европы в безъядерную зону и выразил готовность стать вместе с другими ядерными державами гарантом статуса этой безъядерной зоны.

Но что же предлагают нынешняя администрация США и блок НАТО? Пока только безудержное наращивание военных расходов, создание все более наварных средств массового уничтожения, формирование интервенционистских «сил быстрого развертывания» с целью подавления права народов на свободное и независимое развитие. Все это для обеспечения глобальной экспансии американского империализма, ради чего и выдвигается имперская претензия, что «нет такого района мира, который выходил бы за пределы сферы интересов США».

На ноябрьской сессии группы ядерного планирования НАТО в Брюсселе Пентагон проталкивал в коммюнике сессии одобрение авантюристической президентской доктрины № 59, сияющей погрой для ядерной войны. Однако союзники, видимо, не забыли, что Вашингтон однажды уже обманул их, обвинуя СССР в нарушении договор ОСВ-2, если только европейские страны НАТО согласятся на размещение 600 новых американских ракет, призванных отвлечь от США угрозу ответного ядерного удара, перенесен ее в какой-то район Западной Европы.

«Союзники США», сетует «Нью-Йорк таймс», — рассматривают переговоры с Москвой об ОСВ как важный элемент сохранения своей безопасности. Разрядка имеет особый смысл для стран Европы, которые не заинтересованы в ее подрыве».

Эти настроения сочувствуют советской программе упрочения мира в Европе, предусматривающей сокращение ядерных вооружений, обычного вооружения и принятие мер доверия.

«Что может возразить против столь закономерной постановки вопроса? Лишь определенные круги, которые, судя по планам размещения американских ракет в Европе и разбужению военного бюджета США, не отказались от беспринципных попыток добиться военного превосходства над СССР. Но, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в беседе с американским сенатором Ч. Перси, «Советский Союз» не та страна, с которой можно разговаривать на такой основе. Единственно надежный путь развития советско-американских отношений — соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности».

Нелишне напомнить, что администрация Картера начала свою деятельность с порочного поиска односторонних военных преимуществ, но в июне 1973 года — правда, с запозданием — вернулась в Вене к признанию тщательно выверенного военно-стратегического баланса сил США и СССР.

СССР чуждо стремление к достижению военного превосходства. Наши предложения об укреплении европейской безопасности не находят понимания в Управлении по контролю вооружений, откуда брали свое начало две мировые войны, кровно заинтересованы все народы мира.

веселый, ладный, доброта у него прямо на лице написана.

А бортинженер совсем иной. Илья Олега Макарова давно и прочно вписано в летопись космонавтики. Работал он еще над первым спутником, уже тогда проявлял дерзость и резкость в суждениях. Говорит, спорил даже с Королевым. Поначалу был бит, но прощен, потому что оказался прав. Дважды побывал в космосе. Работал с Василием Лазаревым в 1973 году на «Союз-12» и с Владимиром Данилкиным в 1978 году на «Салют-6». Была еще и авария в космосе: 293 секунды полета... зависли на склоны ущелья в снегах Алтая. Одиноко это от космоса его не отравило.

В противоположность Кизиму добрым по внешнему виду его никак не назовешь. Колочий он. А с журналистами он просто издевательски ладит. Недоволен он, как пишут о космонавтах, слишком ровненько все выходит. Скучных лодкой, скучных задых, скучных решений он не любит, в любом очевидном деле решение ищет не

очевидное. Там, где Макаров, там все неминуемо бурлит. На веру он тоже ничего не принимает. Судите сами. Вот его топографический точный ответ на вопрос, как ему нравится новая машина: «Верить нам противостоит. С одной стороны, мы должны звать машину настолько, чтобы в нее верить. Отлетала беспилотная машина хорошо, прекрасно себя показала в пилотируемом полете — у Аксенова и Малышева. Но все-таки машина очень свежая, новая, и я думаю: надо бы все-таки настроенным. Наша задача состоит в том, чтобы ждать и искать, где она обманется неожиданно для всех и для нас тоже. И вот тогда, значит, мы хлеб свой едим не даром. Пока мы не имеем права верить. Мы должны сделать так, чтобы когда-то можно было позволить себе роскошь летать на ней спокойно».

Я читала этот отчет и думала: нет, в ответе не недоверие машине, а желание получить прежде всего собственные доказательства ее надежности в космосе, которые нельзя получить на Земле.

Геннадий Стрекалов, космонавт-исследователь, как и Макаров, выпускник МВТУ имени Баумана. Но в космонавтику он пришел сразу со школьной скамьи — работал учеником медника на космическом корабле «Медик». Это — рутинная работа. Стрекалов наблюдал, как медники делали, точнее, доводили до идеальной формы, оболочку первого искусственного спутника. Он основательно привык к этому. Но чтобы вручить по специальному шаблону придавать разные немилые формы издалем из металла. И такая схема жизни: металл, студент, инженер, космонавт — для него, мне кажется, очень закономерна. Он основательный. Это в нем главное. Есть конструкторы — голова, полная идей, они видят даже затаенный, видят перспективу. Но чтобы это завтра стало реальностью, нужно скрупулезно и честно решать дела сегодняшние. Стрекалов, пожалуй, относится именно к такому типу инженеров.

— Надо бы прежде всего реалистично, — считает Геннадий. — В технике не бывает, чтобы вдруг

произошел какой-то качественный скачок. Это только в научнотехнических романах можно выдвигать смелые проекты, а в реальной обстановке накопление информации идет очень постепенно. Вот и «Союз-12» родин не из ничего. Из идей, которые были очень тщательно продуманы, проверялись по тысяче раз в различных экспериментах.

И на станции, космонавтам предстоит еще много работ. Например, заменить программно-временное устройство, — отказов в нем, правда, нет, но гарантийный срок кончился. Надо выискать, нет ли где ничего. Из идей, которые были очень тщательно продуманы, проверялись по тысяче раз в различных экспериментах.

Три человека, три разных характера. Все, что было у каждого на Земле, взято в космос. И в этом, пожалуй, разном, все то, что имело право существовать на Земле порою, должно стать одним тем, что называют экипажем. Космический экипажем.

Обложку сегодняшнего номера «Огонька» украсил снимок Москвы, сделанный за несколько дней до выхода журнала в свет. Красная площадь, Мавзолей, Спасская башня, Кремлевская стена.

Сколько бы раз ни видел эти места, они неизменно трогают сердце. Удались, умен и расчетливы был тот далекий наш предок, который первым «со своим» пробрался сквозь непроходимые чащобы к глухому творчеству — Москвы, Узам и Неглинки. Так и представляется, как стоял он, муж могучих сосен на тогда еще безымянном Боровицком холме. Оглядевшись, увидел в приветстве между медно-красными дубяными столами сосен речную ополку холма. Сметливый, он оценил все выгоды этого щедрого дара природы: многоводье защитит град, кому быть, от набегов воинственных соседей, а леса окрест помогут поскорее поставить дома. И застучали тяжелые топоры в жилистых руках наших пращуров, которые одинаково умели ладить дома и держать меч.

В нашей стране много чудесных городов.

У каждого из них своя история, своя слава, свои памятники и достопримечательности. Но Москва занимает особое место в сердце каждого русского людей, где бы они ни жили. Москва является для нас всех чем-то очень личным, сокровенным. Но только коренные москвичи нежно и горячо любят свой город, гордятся им. Москва объединяет сердца всех народов нашей многонациональной Родины, вызывает гордость всенародно.

Вот почему все мы с такой радостью встретили недавний успех трудовых коллективов столицы, досрочно выполнивших задания десятой пятилетки, и теплое приветствие Леонида Ильича Брежнева москвичам по случаю этой большой победы.

Товарищ Л. И. Брежнев отметил в письме, что москвичи, как и прежде, идут в авангарде социалистического соревнования за выполнение пятилетнего плана, являются инициаторами многих ценных патристических начинаний, направленных на изыскание и использование внутренних резервов производства, повышение эффективности и качества работы.

Добрые починки новаторов столичных заводов и фабрик «Пятилетке эффективности и качества» — рабочую гарантию, «Рабочей инициативе» — инженерную поддержку, широкое внедрение встречных планов нашли всеобщую поддержку на предприятиях и стройках огромного города, были подхвачены по всей стране. Пример Москвы дал добрые плоды. Вслед за столицей свою трудовую пятилетку завершили коллективы промышленных предприятий Белоруссии, Грузии, земледельцы Молдавии и Киргизии. С каждым днем эта славная когорта победителей полнится.

А москвичи пошли дальше. До конца года сверх пятилетнего плана они выступят 26 тысяч автомобилей, 450 станков с числовыми программным управлением, более ста тысяч электродвигателей, свыше 120 тысяч телевизоров и много другой продукции. Десяти тысяч передовиков производства столицы под-

держали новый почин: выполнить свои личные задания двух первых месяцев одиннадцатой пятилетки к 23 февраля — дню открытия XXVI съезда нашей партии.

Пример Москвы... Еще 6 марта 1920 года, выступая на заседании Московского Совета, Владимир Ильич Ленин, говоря о строительстве и реконструкции столицы первого пролетарского государства, произнес призывные, прозорливые слова: «Мы должны провести это, чтобы с таким энтузиазмом для всей страны... Мы должны дать этот пример здесь, в Москве, пример, какие Москва уже не раз давала».

Часы истории отсчитывают последние недели 1980 года, нашей десятой пятилетки. Динамично и масштабно развивалась столица за эти пять лет во всем многообразии своей кипучей жизни. Чище стало небо Москвы. Нет дымных шлейфов над трубами ее заводов и фабрик: на сотнях предприятий за пятилетку поставлены надежные пылеуловляющие. К тому же за городскую черту выведены десятки производств, загрязняющих воздух или создающих чрезмерный шум. Мощнее стали «каменные» легкие столицы — выросли ее лесопарки, бульвары и скверы.

А как не сказать о невиданном по размаху жилищном строительстве в главном городе Союза — ведь здесь сдается ежегодно около ста тысяч квартир!

За пятилетку Москва — одна из самых водообеспеченных столиц в мире — стала еще многоводнее: свежие ключевые воды Вазузы — верхнего притока Волги наполнили голубые чаши ее водохранилищ.

«Еще прекраснее станет наша столица в одиннадцатой пятилетке. В опубликованном на днях проекте «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусмотрены дальнейший рост ее промышленности, комплексное развитие всего городского хозяйства».

Советские люди верят и знают, что коммунисты, все трудящиеся Москвы и в новой пятилетке будут идти в авангарде социалистического соревнования, достойно встретят XXVI съезд КПСС, являя новый пример борьбы за превращение нашей страны в самую передовую по дальнейшему подъему благосостояния народа, строительству коммунизма.

А. ПАНЧЕНКО

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ РОССИИ

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию», — писал Александр Блок. Твердо и безоговорочно он принял Октябрь и действенно включился в строительство социалистической культуры. Один из первых певцов революции, великий поэт и гражданин, Александр Блок занимает почетное место в отечественной и мировой литературе.

В подлинный праздник многонациональной советской культуры вылились юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения Блока. На торжественном вечере, состоявшемся в Большом театре Союза ССР, присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. П. Кирilenko, М. А. Суслев, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Коломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгий, М. В. Зин-Александров.

В президиуме — члены Всесоюзного

юбилейного комитета, деятели науки и культуры, представители общественности.

Великий лирический поэт, безоговорочно ставший на сторону ленинского государства в самую трудную пору его становления, — таким остается Блок в сознании людей. Его поэзия — бесценное достояние всего многонационального советского народа. Об этом говорили на вечере посланные братским литературом.

В тот же день в Москве, в Государственном литературном музее, была торжественно открыта большая юбилейная выставка, посвященная Блоку. Уникальные материалы, представленные на ней, рассказывают о жизни и творческом пути поэта.

Исполком Моссовета принял решение отметить памятной доской дом № 6 по улице Алексея Толстого, где в 1904 году жил А. Блок.

На юбилейном вечере в Большом театре Союза ССР.

Фото А. Готсхе

Блокская выставка в залах Государственного литературного музея.

Фото Э. Эттингера

«СЧИТАЕМ СЕБЯ СОЛДАТАМИ»

29 ноября мировая общественность широко отметила Международный день солидарности с борющейся арабской народом Палестины. Большой резонанс в мире получил послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, председателя Исполкома Организации освобождения Палестины Ясиру Арафату. В своем послании Л. И. Брежнев пожелал дружественному палестинскому народу и его политическому авангарду — Организации освобождения Палестины дальнейших успехов в борьбе за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке, за обретение национальной независимости и создание собственного государства.

Недавно в редакции журнала «Огонек» побывала делегация руководства Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов (ВСППЖ). В состав делегации входили видные палестинские писатели, журналисты, общественно-политические деятели: заместитель Генерального секретаря ВСППЖ, главный редактор беirutской газеты «Ас-Сафир» Билал Хасан, ответственный секретарь ВСППЖ, директор Центра иорданских исследований Ганем Зурейкат, член Генерального секретариата ВСППЖ писатель Решад Абу Шавер, писательница и журналистка, сотрудница журнала «Аль-Хуррият» Лиана Бадр.

Глава делегации, Генеральный секретарь ВСППЖ, известный палестинский прозаик, член Революционного совета организации «Фатх» Яхья Яхлаф ответил на ряд вопросов, заданных сотрудниками редакции журнала «Огонек». Предлагаем нашим читателям запись этой беседы.

— Охарактеризуйте, пожалуйста, роль Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов в организации освобождения Палестины.

— Всеобщий союз палестинских писателей и журналистов — одна из народных основ Организации освобождения Палестины. Его Генеральный секретариат, который был избран в апреле этого года в новом составе на III съезде палестинских писателей в Бейруте, — это сплоченный отряд, который представляет надежды и чаяния Организации освобождения Палестины, всего палестинского народа. Он объединяет в своих рядах работников литературы, культуры и печати. Наш Союз — это объединение всех прогрессивных палестинских сил своего народа на оккупированных территориях и вне их. Кроме той огромной культурной роли, которую он играет в нашем общем деле, он активно участвует и в политической жизни. Союз представлен в Палестинском национальном совете, который является высшим законным руководящим органом нашего народа. Всеобщий союз также является членом многих международных литературных и журналистских объединений и организаций.

Между палестинской и советской литературой существует давняя и прочная связь. Расскажите нам о ее истоках и развитии.

— Палестинская национальная культура — это древняя и в то же время современная культура. Наш народ всегда оставался носителем ее традиций. Еще в прошлые века было хорошо развито языкознание, что представляло в то время большую редкость для арабских

Членами делегации руководства Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов во время беседы в редакции журнала «Огонек».

народов. Это дало возможность представителям творческих сил нашего народа ознакомиться с сокровищами и достижениями мировой культуры. Возможно, не все знают, что в период, предшествовавший первой мировой войне, русский язык был наиболее распространенным языком в Палестине. В конце XIX века было основано Российское Палестинское общество. Тогда в нашей стране стали появляться переводы романов русских писателей. В 1908 году у нас были изданы произведения Пушкина. Одним из первых переводчиков русской литературы на арабский язык был палестинец Сиди. Он был также исследователем, литературоведом. Его перу оказали большое влияние произведения великого русского писателя Максима Горького. Не могу не упомянуть еще одного палестинского писателя — Махмуда Сейфеддина аль-Нрмани. Он прожил долгую и яркую творческую жизнь. Нам было очень приятно узнать, что один из его рассказов включен в изданный у нас сборник палестинской новеллы.

Нельзя не упомянуть также имен двух последователей, двух мыслителей — Пантелеймона Жузе и Кулсум Ода-Васильеву, палестинцев, проживших много лет в нашей стране и оказавших большое влияние на развитие искусствоведческой науки. Наш Всеобщий союз палестинских писателей и журналистов занимается в скором времени сбором и изде-

нием их работ на арабском языке.

Мы говорим о палестинской культуре и, вспоминая имена, делаем маленькие остановки на станциях нашего большого пути. Говоря о нашей культуре, мы не можем не упомянуть двух новаторов, новаторов не только палестинской, но и всей арабской поэзии, таких, как Ибрагим Тухан и недавно ушедший из жизни Абдель-Керим аль-Керми (по поэтическому прозвищу Абу Салма). И погибшего в схватке с врагом их ученика Абдеррахима Кухмуда.

— Что видите наиболее важным для палестинских писателей в наш день?

— В 1948 году враг захватил часть нашей родной земли. Палестинский народ превратился в беженцев. Часть палестинцев жила в таких районах, как западный берег реки Иордан и сектор Газы. Вскоре было оккупировано и это территория. Не осталось на географической карте мира такого названия страны — Палестина! Положение, в котором оказался наш народ, естественно, негативно отразилось на его культуре и литературе. Но лишь до середины шестидесятых годов. Это было время подъема национально-освободительной борьбы и национального самосознания палестинцев. Революционный подъем способствовал становлению выдающегося палестинского писателя Гассана Канафанди, такого крупного поэта, как Кемаль Насер. Вспомним оба они погибли от рук сионистских агентов, врагов нашего народа. В это же время мы наблюдаем взлет творчества такого автора, как поэтесса Фадва Тухан. И все эти годы столпом неумираю-

щей палестинской литературы являлся живший в это время в Сирии уже упомянутый нами выдающийся палестинский поэт Абу Салма.

Литература и искусство современных палестинцев — это культурное лицо народа и его революции. Многие представители палестинской литературы были удостоены международной премии «Лотос», которой награждают писатели стран Азии и Африки. Это погибшие герои Гассан Канафанди и Кемаль Насер, поэт Абу Салма, поэт Момни Бекси и другие. Все эти высокие награды свидетельствуют о той большой роли, которую играет палестинская культура в развитии общеарабской и мировой литературы и культуры.

Основание нашего Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов было вызвано желанием создать целостный, полноценный образ палестинского борющегося революционера, представителя передовой палестинской культуры. Это было сделано для того, чтобы было ясно, что палестинская культура в развитии, что развивается палестинская культура в настоящее время. Палестинская литература — это литература национально-освободительного движения. И таким образом, это прогрессивная литература. Она направлена против империализма, реакции и сионизма. Наши писатели на оккупированной территории и вне ее борются под знаменем Организации освобождения Палестины, единственного законного представителя палестинского народа. И считают себя солдатами. Борющиеся под знаменем революции.

Сцена из спектакля «Поли идет».

Фот. М. Дьяченко.

УСПЕХ ШОЛХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

В Ростове-на-Дону состоялся большой театральный фестиваль по произведению М. А. Шолохова, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской Государственной и Нобелевской премий.

Фестиваль завершал народный праздник, посвященный 75-летию выдающегося советского писателя, и проводился впервые в истории нашего театрального искусства. Театры Российской Федерации показали спектакли по замечательным шолоховским произведениям. «Ростовчане — взыскательные зрители. Желая вам творческих успехов. Шолохов» — такой телеграммой из Венесуэлы приветствовал Михаил Александрович участников театральной декады. И успех был поистине великим. Глубоное впечатление оставил спектакль Ленинградского Академического театра оперы и балета имени Кирова. Была показана опера «Судьба человека» И. Двержинского, где партию Андрея Соколова блестяще исполнил народный артист СССР В. Штоколов. Первый исполнитель этой роли, он ведет ее уже двадцать лет, именно за нее удостоен Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки.

Ленинградский Большой драматический театр имени Горького показал сцену из спектакля «Тихий Дон», где роли исполняли народные артисты СССР. Лауреат Государственной премии СССР О. Борисов, лауреат Государственной премии РСФСР В. Станьковский, народные артисты РСФСР М. Придан-Соколова, В. Медведев, О. Васильшина, заслуженная артистка РСФСР Л. Малеванная, лауреат Государственной премии СССР Ю. Демидов, артистка С. Крючкова.

Московский ТЮЗ привез на Донской фестиваль шолоховского «Нахалена» (по пьесе Ю. Янгусовского). Ростовчане с сердечной теплотой приняли эвзовольный сценический рассказ об обязательном юном воине казачьего хутора. Заслуженная артистка РСФСР И. Подольская очаровала зрителей.

С успехом прошел и «Нахалена» Ростовского ТЮЗа по пьесе А. Агафоновой. Спектакли, истинно созданные для публики в этот раз.

Очень талантливо осуществлен шолоховский спектакль «Поли

идет» Курским областным драматическим театром имени А. С. Пушкина. Это драма П. Демидова по роману «Он сражался за Родину», поставленная заслуженным деятелем искусств УССР В. Бортю. Успех сопутствовал также всему дельтерскому ансамблю, всем, кто был занят в спектакле. Петра Полякина великолепно сыграл заслуженный артист РСФСР В. Штоколов.

С «Поднятой целиной» выступили гости из Нальчика — артисты Кабардино-Балкарского драматического театра имени Шотенукова. Давыдов играл заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР П. Миксигишвили, Нагульнова — заслуженный артист РСФСР Х. Товнуев, в роли Шукрава занял народный артист РСФСР А. Тукушев. Интересное решение роли Луши предложила заслуженная артистка Кабардино-Балкарской АССР К. Маманулова.

Вселюбое овчинение не помидоло переполненный зал Ростовского театра музыкальной комедии, когда на его сцене шла спектакль «Бабын бит». Музыку этой оперетты по ранним рассказам М. Шолохова написал композитор Е. Птичкин.

Припоминается: когда главный режиссер Ростовского театра музыкальной комедии, постановщик спектакля К. Васильев обратился к Михаилу Александровичу Шолохову с просьбой дать согласие на создание пьесы, из статьи Велюшской пришло радостный шолоховский ответ: «Охотников не останавливают».

Ростовский драматический театр имени М. Горького в дни фестиваля показал очень интересный постановку «Судьба человека».

Все участники шолоховского праздника встречались с трудностями. Ростовчане с трудом привыкли к городу. Артисты отправили Михаилу Александровичу телеграмму с пожеланием доброго здоровья и новых творческих успехов.

На большом заключительном концерте присутствовали члены Центрального Комитета КПСС, первый секретарь Ростовского областного комитета КП В. М. Маманов, заместитель председателя Ростовского облисполкома П. И. Маманов.

Михаил АНДРАСОВ

А. ЖАКОВ, соб. корр. АПН Специально для «Огонька»

БАБУШКА ВА

Деревня будто заснула и оживилась лишь ближе к вечеру, когда удлинится на земле тени и легкой прохладой повеет с гор. А сейчас жар, звенящая, плотная. Семидесятитри года прикручена в серой тени тутового дерева. Чуть подрагивают прикрытые веки, словно тонкой латунной опутанные синеватыми жилками. Худые, иструженные руки сползают сложенны на колени. Лучи полуденного солнца пробивают зеленую листву. Солнечный дождь ярким горохом усеивает туюловую стволу. Ба, жаркие шелковичные оконы сложенны у ее ног в большую плетеную корзину. Рядом нехитрый деревянный станок, где шелковые волокна, соединенные умелыми руками Ва, превращаются в ровную гладкую нить. Пять-шесть больших мотков пряжи уже аккуратно сложенные на столешнице на земле зубчатом пальмовым листом.

С бабушкой Ва меня познакомил ее сын, почтальон Пхон. Недалеко от деревни, километрах в 60 от Вьетнама, живет машина для стрельы на глинистой дороге, раскисшей после дождя. Пока ее сын созывал нас на помощь одолевшему, я присел рядом с бабушкой Ва, и она востановилась.

Малышкой Ва звали ее в детстве. Первое воспоминание — прямоугольные чины рисовых полей, отец, мать, старшие братья в длинных запянутых рубашках, приляпавших к мокрым спинам, и она, малышка Ва, впервые в жизни преодолевшая дорогу от дома до поля. В руках желтые платенные корзинки с плотно утрамбованным клейким рисом. Действительно ли бабушка Ксам готовила его таким способом, или это только казалось в те несные годы.

Однажды, глядя на ярким злым ковер молодого риса — знатный будет урожай! — Ва спросила у отца: «Ведь это мы растим его, куда же пропадет наш рис?» Отец лукаво прикоснулся к черным коротким волосам девочки и промолчал.

По неслучайно раз в год приезжали к их ветхому домишко небольшие грузовики. Из них выходили какие-то люди и забирали мешки с рисом. Это были черные для семьи дан. На глазах старела мать. Дети ходили присмирившие, боялись сказать громкое слово. Мрачней отец, по неслучайно дню пропадал у приятелей. Пили крепкие деревенские самодон, подолгов разговаривали, спорили, разминая руками. А толку-то что? Как заведено издревле, так и шло. Дети крепкий бил, работали любимые. Хуже-беднее до сего времени урожай держался. Потом отец убили на войне. Много было

на лаосской земле, всех не упомянуть старая Ва.

Она медленно поднимает руку и лениво отгоняет назойливую муху, жужжащую возле самой головы. Солнце ярко высветляет деревенскую площадь. Воздух аромат от жары. А в тени хорошо, и плавно бежит риваска.

«В восемнадцатое лет от парией отбою не было. А выбрала самодон того же деревне. Зато на хлене! играл — все соседи собирались слушать. Ласковый, работный. Хорошие это были годы, хоть жили бедно. Но рано умер муж, подосина малярия. Только одного сына и успела Ва подарить ему. Пхон теперь взрослый. Уважает его в округе: сколько радости доставляет он людям, когда привозит в своей потертой брезентовой сумке, крепко привязанной к багажнику велосипеда, весть от родных и друзей, свежие газеты, последние городские новости».

Сегодня сын заберет мотки шелковой нити, изготовленные матерью за неделю, и наутро отвезет их на текстильную фабрику. Да, кончилась времена перекупчиков, еще недавно бесостенно обирававшихся крестьянских семей. Теперь никто не может обмануть старую Ва. Деньги на фабрике платят хорошие, помогают одеждой, продуктами. Сын уговаривает бросить работу — отходившая машина, старое дерево, говорит он, поможет, терпеть старикам почет, о них особая забота. А Ва не может без работы.

С бабушкой Ва рассказывает про революцию, про новые отношения между людьми, про будущую прекрасную жизнь. Словно сказку слушает Ва его рассказы. И нет, да зашевелит сердце. Вы прожить еще лет десять, посмотрю, каких это все будет! Да и сегодня уже сколько перемен в деревне. Открыли медицинский пункт, аптеку, магазин — торгуют городскими товарами. Люди другие стали: уверенней, веселее, грамотней. Вот и внука в школу ходит. Другое у нее детство, чем у старой Ва. Книжки боже читает и письмо поможет старому человеку написать. «Скоро», — говорит — бабушка, ни одного неграмотного в нашей стране не будет. Совсем другим станет Лаос. Нам учительница говорила, а она все-все знает!»

Летний ветерок шелкает тонкие листья деревьев, ягтно касается лица старой Ва. Длинные становятся тени. В соседних домах слышны голоса, резко скрипят стулья. Деревья потрепаны.

МОЯ ДРУГ ДАДИП

Традиционная встреча выпускников учебных заведений СССР в Советском культурном центре во Вьетнаме. Громкий гул голосов. Быстрые студенты вспоминают го-

! Кхон — национальный духовый инструмент.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ди учебки в Москве, Ленинграде, Кнэве, делаясь планами на будущее. Я медленно перехожу от одной группы к другой. У меня здесь много друзей, и все хотят услышать, кем живет сегодня Советская страна, что волнует и радует ее народ, ставший родным сердцу каждого из собравшихся здесь сегодня. И мне всегда интересны подобные встречи.

Метеоролог Долинг Панкхаст немыслим и круглолиц. Черные глаза с небольшим прищуром. У него две очаровательные дочурки — четырехлетняя Алин и трехлетняя Ала. Со мной он заведует технической частью метеослужбы Министерства сельского хозяйства, лесных и водных ресурсов ЛНДР. Учился в гидрометеорологическом техникуме в Тулесе, вернулся во Вьетнам в середине 1975 года, всего за несколько месяцев до победы национально-демократической революции.

Учился мы всегда в школе и нравилось — рассказывает Долинг. — Но ты же знаешь, каким был уровень преподавания в старом Лаосе. Единственный пункт — учебные заведения за границей. Чтобы попасть туда, и поэтому нужно было иметь и взятку, и дачу некоторым чиновникам. А что мог я? У матери еще шестеро, отец умер, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет. Был большой клочок земли на городской окраине, он и кормил нашу семью. Мне удалось поступить во вьетнамский электротехнический колледж. Преподавали там, в основном иностранцы: французы, американцы, англичане. Не очень-то их интересовали наши успехи в учебе. Считали, что занимаются благотворительностью для «недоукомов», так они нас называли. Однажды учителя из нашей группы преподавателей свекнули за волосы — я лицом по классной доске: неправильно, мол, формулу написал, вот и стирай собственной головой! А парень три ночи не спал, дежурил у кровати тяжело больной сестры. Организовали мы в колледже забастовку, и я попал в «черные списки». Никакой надежды на продолжение учебы не осталось. Но мне повезло: с помощью друзей удалось вылететь на учебу в Советский Союз. Уже позднее я узнал, что многие из них входили в тогдашнее городское революционное подполье.

Он учился сначала в Кнэве, затем в Тулесе. Долинг часто вспоминает эти годы. Советских курсисток, помогавших изучать трудный и прекрасный русский язык, многочисленные мимими в поддержку справедливой борьбы лаосского народа за национальную независимость, отдых в туристском лагере на берегу Черного моря, экскурсии в Ленинград, последний выпускной бал и щемящее чувство расставания со всем тем, чем он жил за пять лет.

Когда я вернулся, Вьетнам был совсем другим, — продолжает Долинг. — Все уверенней дост-

На субботнике.

валяли патристические силы. Приближение революции чувствовалось во всем.

Он хорошо помнит 2 декабря 1975 года, когда Национальный конгресс народных представителей упразднил монархию и провозгласил создание Лаосской Народно-Демократической Республики. Звучали песни и радостный смех, гремели длинные барабаны, казалось, веселился весь народ, вся страна. А когда закончились праздники, наступили будни тяжелого, самоотверженного труда.

Начинать приходилось на пустом месте. Немногие имеющиеся предприятия были разграблены или стояли из-за отсутствия сырья. В сельском хозяйстве царил хаос. Страна томила под гнетом неграмотности и феодальных пережитков. Знания и умение немногочисленного тогда отряда молодых специалистов с первых дней были поставлены на службу республике.

— Моя работа оказалась полезной людям, — с гордостью говорит Долинг. — Она применима к любой сфере народного хозяйства. Мы быстро отремонтировали имеющиеся оборудование, организовали по всей стране сеть метеослужб, подготовили ряд рекомендаций для земледельцев. Я рад, что в общих успехах моей страны есть и доля моего труда.

Сейчас в Лаосе работают сотни предприятий и мастерских, уверенно идет процесс кооперирования сельского хозяйства, действуют школы, высшие и средние специальные учебные заведения. Многие специалисты готовятся в вузах Советского Союза, Вьетнама, других социалистических стран. Растет авторитет республики на международной арене. В нынешнем году страна завершает трехлетний план развития народного хозяйства и приступает к осуществлению задач первой пятилетки. За всем этим — самоотверженный труд людей, выбравших социализм, социализм, и среди них — Долинг Панкхаст, метеоролог. Он много читает, использует любую

возможность для совершенствования в своей профессии. Долинг — активный член организации Народно-революционной молодежи Лаоса, неперенный участник всех ее патристических начинаний. Дважды в неделю Долинг ведет кружок по изучению русского языка, рассказывает и о Советской стране, годах своей учебы в СССР. На прощание он попросил меня: «Получились бы книги о Советском Союзе — позволим». «Обязательно», — ответил я.

БОЛЬШЕ ЧАСЫ

Солнце и тень, падающая с крыши, резкой чертой разграничили узкий тротуар. По нему, прижавшись к стенам домов — здесь прохладнее, — движется шумная детская ватага. В руках — портфели, сумки или просто свертки с учебниками и тетрадками. Окончаны занятия, ребята торопятся домой. Маленького Тадам сразу же узнал меня, хотя мы не виделись уже больше года.

Год назад я побывал в одном из детских садов Вьетнама, там и познакомился с маленьким Тхао Тадамом. Он родился спустя четыре месяца после исторического декабря 1975 года.

Молодая воспитательница Каммуан рассказывала о мероприятиях новой власти, направленных на улучшение жизни детей, о профилактике детских заболеваний, развитии сети дошкольных учреждений. Мало осталось в сегодняшнем Лаосе убого, где не действовали бы ясли, детсады, медицинские пункты. Каждая семья, в зависимости от того, сколько в ней детей, получает от государства определенные льготы. Созданы специальные курсы по подготовке воспитательниц детских садов.

— Что, черноглазенький, не получается? — прервал свой рассказ, ласково спросила Каммуан.

— Да, тень воспитательницы, — ответил мальш, склонившись над небольшим деревянным сооруже-

1 «Тадам» в перерыве с аэросонго — «Черные глаза»

Студенты политехнического техникума.

Фото Н. Ивановой

нием на полу комнаты, — не знаю, что и делать с большими часами. Я присмотрелся внимательно. Из деревянных кубиков Тадам соорудил Московский Кремль, сверялся с лежащей рядом картинкой. Высокую Башню венчала пятиконечная звезда. Не хватало только куряток. Я нарисовал их на листке блокнота, и через минуту они уже были укреплены куском клеевой ленты на надвешенном месте.

— В Кремле работал дедушка Ленин, — неожиданно заявил мальш. — Я обязательно побываю в Москве, вот только стану взрослым. Не верите?

Я поверил Тадам.

И вот спустя год новая встреча. Сегодня суббота, детский сад закрыт, и Тадам сидит у школы своего брата. Брат большой, уже второй год ходит в школу. Он научил Тадама писать первые буквы лаосского алфавита. Школа совсем рядом с домом. Через несколько дней детский сад пойдет туда на экскурсию. «Мы будем тоже скоро станем учениками! А недавно заболела наша собака. Глупая, хотела пожать заднюю лапу, еле вылезли. А папа недавно летал к родным на юг и привез огромный колочий плод дурiana. Очень вкусно, не пробоваешь!» Скрило нового поколения за это время в жизни Тадама, и рассказать ему хочется сразу обо всем. Я слушаю непоседливую болтовню мальши, а на душе у меня спокойнее. Тадам и за всех его сверстников. Пройдут годы, и, как знать, может, мы и встретимся где-нибудь в Москве!

— В Лаосе, на юге Лаоса, на самом высоком месте города стоит недостроенный королевский дворец. Сыростью и плесенью тнеет из темных коробок, стен которых не успели коснуться придворные художники и резчики по дереву. Облетела насменная ко-где по полотно, потрескался недооконченный лепка потолка. Дворец в Лаосе должен был затмить своим размахом все другие королевские резиденции — на севере, в Луанг-Прабанге, и во Вьетнаме. План этот не удалось осуществить, но и сегодня здание поражает размерами оригинального архитектур. А в нескольких шагах от дворца темнеют крыши свайных домиков со стенами из покоробившейся фанеры, кусков прогнившего досок, картона, с едва проступающей надписью «Пенси». Это жилища простых людей, чья судьба так же разнилась от судьбы знатной лаосской верхушки, как контрастен вид недостроенного дворца и лугу рядом с ним.

Революция помешала завершению дворца в Лаосе. Но она остановит его для народа. Здесь разместится большой туристский комплекс. И, может быть, среди первых его посетителей будут внука старой Ва, или метеоролог Долинг, или мой маленький приятель Тадам.

Вьетнам.

А. В. Куприн.

ЛЮДИ РАБОТЫ

В записках Александра Васильевича Куприна есть такие строки: «Художник не должен быть безразличен ко всему тому, что он изображает. Одно ему нравится, к другому он равнодушен, а что-то его необычайно волнует. Пусть это последнее вдохновляет его...»

Его самого вдохновляла природа средней России, волновали пропагитанные солнцем горы и долины Крыма и одновременно виды индустриальные. Он писал также многочисленные композиции из цветов, фруктов и различных предметов, находя в них полный очарования мир красок.

...Из его рождалась особенность живописной речи! Откуда их исток, в чем корни? Живопись Куприна глубока, благородна, богата смыслом и формами выражения. В ней отразились жизнь и убеждения самого художника. Он любил говорить: «Я считаю себя богачом. И объяснял: «Человек, у которого было хорошее детство,—человек богатый».

Он родился в уездном городе Борисоглебске Тамбовской губернии (ныне Воронежской области), тихом, зеленом, окруженном такими же тихими зелеными полями и перелесками. С детства полюбил деревья, цветы, разнотравье, красоту русской природы. В его сердце рано вошла музыка: играли мать и старший брат, рано умерший талантливый пианист. Будущий живописец увлекался Моцартом, Гайдном, Шопеном, но, пожалуй, больше всего — Чайковским, впоследствии ответив, что от его сочинений вает родным, русским, задушевым.

Может, поэтому вспоминаются «Времена года», «Зимние грезы», когда смотришь на пейзажи художника, написанные в Крылатском, Дорогомилово, Дубровицах. Впереди еще были Пески на Оке, где художник в середине тридцатых годов сделал себе небольшую мастерскую.

Здесь родился «Сенсень утрон», «Мэри» и несколько превосходных зимних пейзажей. Он любил позднюю осень и лунные вечера (один из мотивов, к которому не раз обращался), любил полевые цветы, тугою тяжесть дубов и трепетность цветущего яблоньного сада.

В Руже мастер создал одну из самых проникновенных своих работ — «Пейзаж с луной», и если бы он был его единственным полотною о России, то и тогда бы вошел в историю отечественной живописи — столько в нем истинно русское понимание мира, природы, человека, столь ясна и проникновенна мелодия чистого чужа.

Детские годы соединили художника не только с природой и музыкой. Семья уездного учителя дала ему сильный заряд искренности, честности и огромного трудолюбия. В восемь лет, еще совсем ребенком, он мечтал стать художником. Поводом послужила подаренная ему небольшая книжечка с биографией Леонардо да Винчи. Преклонение перед великим италяцем он сохранил в себе навсегда, призывая к этому и своих учеников.

В шестнадцать лет, вскоре после переезда семьи в Воронеж, пришлось идти служить конторщиком на железную дорогу, и только тогда впервые Александр смог купить себе масляные краски. За шесть лет работы он сумел скопить немного денег, чтобы поехать учиться. В Петербург, а потом в Москву. Беря уроки в частных школах и студиях, Куприн, чтобы заработать на жизнь, занимался канцелярской работой, переписыванием бумаг, иногда иллюстрированием, а когда велело — копированием в музее Александра III (теперь это Русский музей). Только в двадцать шесть лет он смог стать учеником московского Училища живописи, ваяния и зодчества.

Через четыре года после поступления в училище он вынужден уйти из него, так как из-за разногласия с руководством не был допущен до конкурса на звание классного художника. Но и позже, войдя в художественные круги, получив признание, постоянно терпел нехватку и лишения. Был человеком тихим и нетребовательным, но твердым, последовательным и упорным в своих творческих поисках, выстраивая убеждения. «Весь мой процесс работы есть не что иное, как борьба», — говорил он. Пройдет десять лет, и отвернутый ученик станет сам преподавателем — сначала Вхутемаса, потом Нижегородских и Сормских художественных мастерских. Далее — Вхутем, текстильный институт, Московское высшее художественно-промышленное училище, в которых Куприн был профессором.

В 1908 году, на выставке Московского товарищества художников — первой его выставке, — он показал два натюрморта. Последствия первая работа, купленная у него Третьяковской галереей, тоже была натюрмортом.

Особенно интенсивно работал он в этом жанре с 1910 года, когда увлекся, как и многие художники того времени, французским искусством. Его манера предметная, материальность Сезанна, сила цветовой выразительности Ван Гого. Но он, как Кончаловский, Лентулов, Мешков и другие, изучая приемы работ французских, оставался по сути и духу живописцем глубоко русским, национальным. Его работы с искусственными цветами и фруктами не только красивы, эмоциональны, выразительны; они, как своеобразный художественный барометр, отражали настроения времени. Натюрморты 1911—1912 годов с нитями и своей, с мякотью, с лампой передуют беспокойную, смутную обстановку тех лет, холсты же 1917—1920 годов полны звонкой радостью, пылают пунцовыми, алыми красками.

Со временем художник все чаще пишет живые цветы (большие полевые), натуральные фрукты. Постепенно исчезают декоративные подосновы, драпировки, появляются предметы повседневности. Мир его натюрмортов становится естественнее, а заключенные в них чувства более тонкими и сложными.

Начиная с двадцатых и до пятидесятых годов эти работы позволяют взгляду предвстать развитие стиля мастера: от его увлеченности сочной декоративностью, подчеркнутой материальностью и орнаментальностью в таких полотнах, как «Белые цветы на черном фоне», «Натюрморт с кушаном, корзинкой и желтой миской», до сдержанной естественной манеры, отражающей душевное состояние и быт художника в Песках, — «Букет с желтыми ромашками», «Натюрморт с кушаном и кабачком на фоне окна».

И в жизни и в искусстве Куприн был большим тружеником. Любил делать мельбурты, чтобы для красок, шпателя и палки, папки, посуду. Вещественность, материальность, которую так ценил в живописи, художник словно старался почувствовать собственными руками. Александр Васильевич сам прошел свои университеты, учился у мастеров прошлого, у своих современников. Работал самозабвенно, на практике постигая великую магию живописи. Слово о нем и его жизни слова Пропстера Марини: «Для того, чтобы понимать и любить форму и краску, нужна осязательная восприимчивость и длительные упражнения».

После революции, не оставляя работы в жаровой живописи, он начал педагогическую деятельность, принимал самое активное участие в монументальной пропаганде, осуществляемой по ленинскому плану. В 1918 году Куприн создал для больших панно — «Искусство» и «Две» для праздничного оформления фасада здания, в котором позднее разместился Центральный детский театр. Эскизы, хранящиеся в Третьяковской галерее, позволяют судить об их яркости, декоративности, созвучности времени.

С начала тридцатых годов многие художники готовились к выставке «Индустрия социализма». Мастер решил поехать в Днепропетровск. Поезд приближался к городу ночью. Художник по дорожной привычке смотрел в окно, хотя и было темно. И вдруг в ночи он будто увидел ослепительные костры: это полыхали доменные печи заводов имени Петровского. Для него всегда много значило первые впечатления.

А. Куприн, 1880—1960. БАХЧИСАРАЙ. ВЕЧЕР. РЕКА ЧУРУК-СУ, 1930.

Государственный Третьяковский музей.

БЕАСАЛЬСКАЯ ДОЛИНА, 1937.

А. Куприн. ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ. ЯБЛОНЯ. 1922.

Государственная Третьяковская галерея.

Стихи об Индии

Стихи этой подборки взяты нами из выходящих в «Библиотеке «Огонек» книги «Раздумье об Индии».

Давние узы дружбы связывают наши великие народы. Отсюда и непреодолимый интерес русских и советских поэтов к истории и культуре нашего южного соседа. В книге представлены стихи Василия Жукотского и Алексея Толстого, Афанасия Фета и Семена Находина, Валерия Брюсова и Николая Рериха и многих других.

Публикуемая подборка является лишь небольшой частью стихов, представленных в книге.

В них звучат разные мотивы, но все они объединены любовью к Индии, к ее народу, к ее великой культуре.

Николай ТИХОНОВ

САМИ

Мариятте Шагиня

Хороший Сагив у Сами и умный.
Только больно дерется стеклом.
Хороший Сагив у Сами и умный,
Только Сами не считает
Смотрит он на него одним
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему

И седлает пони для Сагива.
На пылинку ошметается Сами,
Сагив всеведущ, как Вишну,
Бьет по пяткам тогда

Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В беджапуре был скороходом,—
Ногм мальчишка бегут по базарам
Все уверенной глот от году.

2

Этот год был очень недобрый:
Круглоухого мыщанского пони
Укусила черная кобра,
Закотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом.
Только Сами с газетой нету.
И пришлось для бритья

Поручить разогреть другому.
И — него не случилось ни разу —
Мул не корилен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как обитый от стада козленок.
С исцарапанными ногами,
Весь в лопотках, от голода

Сняжка круглоблудная глба
Синяя, как на золоте проба.

Один глаз он видел Сагива.
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, панван
бесхозяйный?»

Сагив рыскался в каначке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей папки
И хотел утти к властелину,
Что браминнов и редней вымо,—
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепоп на крыше».

«Ты рожден, чтобы быть
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следовать
за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к нобу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленин».

Он дует голдым корочку
Давже волка может сделать

Он большой Сагив перед небом
И совсем не дерется стеклом.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греет ему воду,
Бегать с почтой, чистить

И за службу даст ему Ленин
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал
во вселенной,—
Сами всех сагивов погубит.

5

«Где слыхал ты все это,
несчастный?» —

Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где было бы опасно,
В глубине амритсарских лагов.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохиликанде кони,
И какой этот Ленин мудрый».

«Уходи» — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой.
А Сагив заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

* Так индийцы произносят имя
«Ленина».

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий.
И молился далекому Ленину,
Непонятному, как ноги,
Чтоб услышал его малые

В своем городе, до которого
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрой зарницы;
И она б от дождей размочила,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбился бы в бурях,
как стекла,

Огненная сагивов телега.

7

Так далеко был этот Ленин,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскопал легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролила на стон его черный
Благословный полновесный,
Будто снова он родился
в Амритсаре —
И на этот раз человекам,—
Никогда его больше не ударит
Ляг Сагив своим жестким

стеком.

1920.

Екатерина ШЕВЕЛОВА

ИНДИЯ

И вот я люблю тебя, Индия,
Сама удивляюсь тому.
Встречая я, словно открытие,
Очей твоих странную тьму,
Твой облик, простой и трагический,
Вскрещенье эпох и миров,
Взрыв песни под кровлею
и танца лукавого брова.
С кофейной позлбонкой

С богатыми и станамы
Ты, край азиатский, загадкой
Еще предло мною стоишь.
Но Азия — нет, не разделена,
А слита единой борьбой,
И развее гением Ленина
Не связана кровно с тобой!

И развее Россия и Индия
Не радом живут с давних пор!
И развее друг друга не видели
Народы до высшим гор!

Полубишь — и трогает заживо
Горячие деляи дорог,
Деревья багряное зарево.

В деревне обшарпанный бог,
Глядящая нашим звездам
Чужая небесная ширь,
Проказой и оспой искусственных,

На митингах вздыбленный мир.
...Люблю у друзей чаепитие,
Люблю, как молчат старики,
И верю в судьбу твою, Индия.
Всем бедам твоим вопреки!

1961.

Лев ОШАНИН

РАЗДУМЬЕ ОБ ИНДИИ

Тебя читал я, думал о тебе.
Ты возникла из приморской
Вся не такая, вся в иной судьбе,
Вся непохожа на мою Россию.
История назад несется вскачь.
Твоих слонов, моих коней

Топтавшие,
Твоих «неприкосновенных» стеньгов,
Моих корюдных горганный плач...
Твой Тадж Махал, где зримо
божество,

И храмы, что, бывало, Русь
крестили,

И ясноглядность края твоего —
Как ты похожа на мою Россию...
Глубокие морщины стариков,
Преданья, что страну исколесили,
Смещение десятков языков —
Как ты похожа на мою Россию!
Здесь только что земля была

пустя,
И нищета свои являла раны,
Но, все смета, стройка начина,
Как в праздник красок, ждало

и багрянто!
Лишь ветер здесь кружил

песчаный прах —
О, Индия в строительных лесах,
Как ты похожа на мою Россию.

И век не тот, и вся земля не та.
Любя не то, не то напоминала,
Не узнала еще, не поняла,
Ты не Россия, ты совсем знала,
Я знаю это. И еще много
Твое свеченье в самобытной

силе.

...Я слышу в небе крики
журящих,

Как ты похожа на мою Россию...

УЙГУН

ПОРТРЕТ

Рабиндранат Тагору

Резьба морщин, волнистые
седыны —
Как будто гордо высится гора.
Да, он вершина. И в его вершини
Вся жизнь видна, бурлящая

и пестра.

Он смотрит мудро, строго
и устало
На свет и зло, на правду и позор.

СТАЛО
КИХ
ГОР.

44

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКЕСВИЧА

И Владимир через силу посмотрел туда, испытывая от припекающего солнца резь в надбровьях, звон в ушах, и арбузы на бачке вдруг ясно представились ему маленькими зерами, истомленными зноем, устало лежащими под деревьями, что нависли надобие низких палов с красными плодами. «Нет, мне не по себе». Он чувствовал, как накалило солнцем голову и остро нажгло сквозоз гимнастерку спину, не охлажденную землей, как необоримо бил его озноб, соединяясь с колючим жаром, и не было у него вод протекать с дрожью зубов. «Что же со мной такое, я улажу сейчас!» — подумал Владимир и встал с дурманной неустойчивостью, шагнул к брустверу, упав локтями на бровку, пытаясь наблюдать радом с Ильей. Но зеркальные всплывшие облитой солнцем листья, движение солнечных бликов в траве под алыми оплывали его горькой яркостью. Он не очень отчетливо видел то, что возбуждало внимание Ильи, и, потеряв заволаше глаза, наконец освободил из футляра бинокль. И точно не правдоподобно приблизилась кусты малины и чье-то молодое, совсем мальчишечье лицо с еле обозначенными полостями устали, поднятое к этим кустам, навью и смешно вытнутые губы, измазанные соком, ягиком хватающие крупные ягоды, сонные, спелые, упруго налитые сладкой ароматной влагой, и были странно радостными слегка прижуренные в потоке солнечных лучиков глаза этого мальчишки-недоеды, завиток прилихих соломенных волос к потному лбу... В благодатном изнеможении он лежал на земле под кустами, в жаркой недвижной духоте малинника, и зеленый мундир был до ремня расстегнут, его плечо, наполненная с верхом ягодами, лодочкой стояла в траве, и, наслаждаясь затихшем, золотым днем, беззащитно, он лакомился и ласковым вытравливанием своих улыбающихся губ будто играл с нависшим над его лицом зноем. И в сознании Владимира на минуту возникла неведомая, пахнущая лавандой Германия, некий островерный чистый домик в саду с подстриженной травкой, желтый песок на ровных дорожках и здесь же немецкий мальчик в белых чупочках, в белой панамке... Где он видел это? На фотографиях, найденных в документах убитых?

Все было до отчетливых подробностей различимо в бинокль, и так близко было лицо немца, капавшего пота на лбу, нездоровая шея, открытая распахнутым воротником мундира, что, понаблюдав, случайно обижена была часть чужой жизни и чужое забвение... Но в безобидной его забаве, его мальчишеском удовольствии, его радостной полове улыбающегося рта спелых ягод представлялось одновременно и что-то запрещенное, непозволенное, не его хотелось видеть сейчас.

— Пасется себе, как теленочек! Ах ты, солнышко милая! — жестко сказал Илья, вероятно,

хорошо разглядев немца под кустами малины, и, полусунув опасной чернотой глаз по невозмутимой спине Лазарева, приказал негромко: — Шапкин, дайте-ка мне свою карabin! Разрешимся зарядить!

— Завсегда разрешимся. У пули голубая красенным покрашена, — чересчур бравое отозвался Шапкин и, качнувшись округлым плечам, подскочил к Илье, вынул в руке новенький немецкий карabin, с которым никогда не расставался и обычно носил его на ремне, столбом вниз.

— Ползаше там и пашешся? Ах ты, сволочья, — повторил Илья и, точно леденец смутливый лицом, взял карabin навзготовую, упер раздвинутые локти в покрытую дном бровку бруствера, прицелился, ажая выстритую щеку в полированную ложку.

Никто не успел ничего сказать ему, никто не успел остановить его, — громом разлетелся тишину, прокатился выстрел, очко сорвался по лесам окрест — и в то же время солдат испуганно вздрогнул, непонимающе озвываясь, суматошно застегивая мундир, затем схватил с земли наполненную малиной пиалу, бросил котелок с помидорами, оказавшийся у него под бок, и осторожно, на коленях стал отползать назад, исчез на несколько секунд за кустами малины и внезапно стремительно выбежал из-под кривой тополиной сады, бросился вверх по крутой солнечной насыпи, загребая, оскальчиваясь по песку сапогами, в одной руке держа пиалку, наполненную малиной, в другой алюминиевый котелок с помидорами. И тотчас вторично треснул над ухом выстрел, ударил в нос вонючий порох, и немец на насыпи странно подпрыгнул, качнулся назад, вскинул руки, точно в ужасе хватаясь за голову, за растрепанные светлые волосы. Выпущенный котелок покатылся вниз по насыпи, рассыпая помидоры, пиалка с малиной шепелнула в песок, и, зачем-то повернувшись обезображенным жалким удивленным лицом в сторону выстрела, он, спотыкаясь при каждом шаге, побелел обратно, в сад, и там под краиним тополиным упал, зарылся лицом в траву, плечи его дергались, похуже, от рыданий, и было страшно видеть, как белокурые волосы его и травка вокруг начали отблескивать красными жирными пятнами на палещем солнце.

— Готов фривольский птенчик!..

Илья отбросил на бруствер карabin, гневно глянул на Шапкина, сказавшего эту фразу, потом нахмурился на растрепанные волосы Владимира, на утромо сверлящие стальными буравчиками глаза Лазарева и сел с выказанной непоколебимостью на снарядный ящик при всеобщем молчании, тонкая смуглость сходящая к его шее.

— Из-за помидорного дерма устроили перемре с врагами! — проговорил Илья тутим голосом. — Забили, как позавчера поповину вашего звезда хоронили! Забили братскую могилу тут за этим лесом! Хорош у тебя ежик, Василий! За жертву нашу родную продадут! Дерма такого не видели!..

Он выругался и, выхватив из котелка лоснящиеся упругой плотью помидор, неизвестно зачем с размаху ввлек его в песчаную стену соседней насыпи. Помидор растаял по стене красным месивом, стекая мекотью на дощатую крышку ящика, и опять тошнота подкатил к горлу Владимира. Он успел выбежать из орудинного дворика, а на опущенные руки и измазанные его святаеся за стол сосны, он долго мучился, едва не плача в бессилии, его душно отравление перем чьего-

густым, красивым, жирно поблескивающим там, в саду, под тополими, и здесь, на стене ним, на досках снарядного ящика.

В тот же миг тутим жарко пронесся над головами, обсеянные солнцем молнии про сверкали возле орудия, пули звонко и сочно зашлепали вблизи, сбита хвоя посыпалась на пиалку Владимира. Вытирая губы, слезы на глазах, он кинулся обратно к огневой позиции, еще не сообразив, откуда дал очередь по орудью немецкий крупнокалиберный пулемет.

Все на огневой позиции смотрели в одном направлении, где слева за железнодорожной насыпью продолжался лес, где издали светились корявые стволы сосен и испепелительно синело небо меж кронами. Но всюду стояла звенящая кузнечниками тишина. И непонятно было, откуда стрелял пулемет, — не могли же привидеться Владимиру оранжевые трассы, этот тутим грохот крупнокалиберных очередей в ответ на два выстрела из карабина. «Мне надо высвататься, все смешалось у меня в голове, бред какой-то...»

— Что ж, ась, где фашисты окопались! Но мне не ась, почему братане с ними устроили! — заговорил Илья перепрекаемым тоном. — Вперед! Нашей пехоте нет, а вы, как вью, хорошо живете!

— Стреляй, лейтенант! — скучно спросил Лазарев, и его жесткое лицо угрожающе закаменело.

— Дальше, старшина. — Илья нетерпеливо поставил ногу в брезентовом сапожке на снарядный ящик, медленно оглядывая железнодорожную насыпь. — Продолжайте. Я слушаю, старшина.

— Зачем ни с того ни с сего ты нашу обстановку нарушил! — раздалась ноздри, повторил Лазарев. — У тебя подчиненный, взвод ежи, там и фордыбач. Чувствуй! Никто тебя сюда не звал, лейтенант.

Он не повышал голоса, но взгляд его стал свинцовым, остановленным на брезентовом сапожке Ильи, ладно сидевшем на ноге (сапожки эти были вымечены на трофейный «парабеллум» у интендантов в тылах стрелкового полка), и Владимир тоже увидел поставленный на снарядный ящик узкий сапожок, аккуратный на вид, немного обремененный сапожком, там и фордыбач. Еще в артиллерии и здесь, в толку, Илья по-особому тщательно носил новую форму, полевые погоны, поднимая к гимнастерке непонятно где раздобытый целлофановый подворотничок (недавно модный офицерский), и форма шла ему гладко, без складок облегла его плечи и сильную грудь, перетянутую портупеей, протодой под свежее выстиранной измоченной землей погон, а этот сапожок, уверенно поставленный на снарядный ящик, подчеркивал вроде бы его незанятую и легкую силу, так раздражающую, наверное, Лазарева, взбешенного этими неожиданными выстрелами Ильи, разом нарушившими безмятежную покой орудия.

— Сапожки нафигири на ходули и дулаши, лейтенант, ась, перед тобой в батарее на задних ладках ходит бурут! — выговорил Лазарев, и крупно нубилил жиры на его толстой широкой шее. — Подать, нас дисциплину хочешь, лейтенант? Книжки черны не потянуть, чтоб издали боялись! — проговорил Лазарев с задушливым хохотом. — Ты меня плохо знаешь, в разных званиях бывал, а ты хоть офицер, а я незначимый обидеть шибко могу, ежели меня к земле ногтем давят! Понял?

— Обидеть? Шибко Мое! За что? Ах ты, гаупце, Лазарев! Ну, здравствуй, если ты та-

Продолжение. См. «Югослав МЭ» 38—44, 46—48.

тремя полковыми орудиями и девятидвухсотыми солдатами, оставшимися после позавчерашнего боя, когда погиб командир батареи старший лейтенант Дробышев и командир взвода управления лейтенант Курочкин, убитые вместе со всеми расчетом четвертого орудия. Они были убиты прямым попаданием — две самоходки засекли орудийные выстрелы, незаметно зашли с фланга на порошине кустарником высоты и ударили с дальности дуэтом метовой по отраточной орудийной стволу на перекрестке полей дорог, шагах в ста пятидесяти правее четвертого, самоходки, не медля, перенесли на него огонь, а когда Владимир, оглушенный раскатным грохотом, заслышав земля, давясь кашлем, не освобожденной тошнотой, очнулся, то увидел, что весь край придорожного кювета был развален, срезан вымывшимся воронками, острые края осколков торчали из глинистой почвы, и это было рыцарское счастье, везение, синхродельность судьбы, сохранившей в жизни нескольких сантиметрами уцелевшего пространства. Он был контужен, и временно слитый с жизнью зенитный снаряд, наполняя шум, как если бы лежал он на крыше сараев звездной ночью в деревне, порой плотная плуток окружала его, было холодно, пыльно в голову, и он не слышал своего голоса. А то, что осталось от четвертого орудия, то, что надо было собирать потом по кускам, и хоронить возле исковерканного орудия в наскоро выкопанной могиле, было настолько ужасно, что невозможно было ничего узнать даже по одежде, назавать по фамилии, невозможно было различить старшего лейтенанта Дробышева и лейтенанта Курочкина. Контужа, затмившая сознание Владимира, сместила реальность, его охватила бешеная неясность, и, отводя взгляд от единственного теперь орудия из его взвода, он ругался в злобе, плакал и кулаком размазывал слезы по исполованному пороховой копотью лицу.

Пехота подымалась в атаку несколько раз, залегала и вновь подымалась свистками, криками и ракетками, вскоре поле до самых немецких траншей густо затеменовало бутгорками убитых, и последняя атака была совершенно обесмысленной — разрывы снарядов, падающих от земли, донеслись в огненный хаос таскающихся чередой.

В темноте бой кончился, все смолкло. Пехота, потеряв в течение дня половину недавно прибывшего пополнения, отошла к своим траншеям немцев, вступавшая в лес и поздним вечером заняла железнодорожную станцию за лесом.

Орудия получили приказ сняться, первую взводу Римзин занять позицию в районе лесной, вблизи дороги, на танкоопасном направлении, а второму взводу Васильева (одному оставшемуся орудью) стать на прямую наводку напротив железнодорожного переезда. К середине ночи оборудовали огневую позицию, вырыли ровики в полный профиль, и целый следующий день, неподвижный, знойный, прошел в состоянии полусна, когда не хотелось двигаться, есть, говорить, когда у Владимира, не вылезавшего из своего рюкзака, зевая в голову и вслушиваясь в память разрывов, оравшие куски одежды с металлическими офицерскими пуговицами, воронки между станин, что-то студенисто-красное, лопхатым густым прилипшее к шее синхродельного орудия, и по всему полю бутгорки убитых — новые шинели, нелепо восторженные на спинах, еще не законченные обмотки, толсто накрученные на ноги...

Утром его разбудил командир орудия сержант Демиин, позвал к расходу на царский завтрак — мед, огурцы, помидоры, арбузы, — но Владимир маотрез отказался: все возникло перед глазами тот жирный студенистый густок на шее разбитого орудия, и разом накатывало туман, выворачивало желудок, вызывая судорожным кашлем обильные, уносящие его слезы, которые он стеснялся показывать солдатам.

Он не хотел вспоминать позавчерашний бой, не хотел, чтобы кто-то из контуженных, занятых его педантично выбранным саунгую лицу его несомневающимся силе при утверждении себя в новом положении командира батареи, и его командный голос, каким он за-

явил сейчас с недоверием командир отделения разведки, был исполнен решимости и действия.

— Думаю, что лейтенант Курочкин, пусть земля ему будет пухом, до невинности изабавляя Лазарева, сам за него все делал, а он, плывя на глупости, сказал: «Илья! Для чего, спрашивается, мне такая артиллерийская разведка? Не знает точно, где немцы передавали? Не ходит по батарее индюком.

— Ты знаешь, что Лазарев сидел до фронта в торжище и вообще — темный тип, с ним не хотят связываться.

— Знаю, но знать не хочу. Мне плевать, кто он был. Мне важно, кто он есть. Глянь Лазарева из разведки надо, немедленно глянь! В шол! Удалел меня, конечно, то что этот милый старшина считает себя пупом в батарее. Не хочет, видишь ли, подчиняться. Глупец! Я его заставляю выполнять обязанности, как образцового солдата, или сломаю ему хребет, дураку!

— По-моему, ты его уже приложил достаточно.

— Так нужно было! А впрочем, ничего прощать — ему не намерен.

— Тебе — сидей. Илья. Разведка и связь в твоём подчинении.

— Вот именно. В мою.

«Разве можно согласиться с тем, что ранение Илья в тот июльский день 1943 года сыграло роль в его судьбе, изменило всю его жизнь? И я ничего не мог сделать, предугадать? Но можно ли было его остановить?»

Он вернулся к орудью, Илья объявил о перемещении командира отделения взвода управления. Выслушав приказ, Лазарев мерцающими нацеленными глазами охватил с ног до головы полную фигуру Шалкина, затем с легкой — просто сполну через бруствер и присел к котелку с медовыми сотами, внешне несокрушимый в собственной правоте. Это перемещение ничего, по существу, не изменило в жизни Лазарева (его разведка, что связь батареи — один черт) — по тому как Лазарев, расширив ноздри, сидел на станине орудия и жевал соты, с напускным интересом глядя на выходящих вокруг котелка ос, по тому, как упорно молчал, видно было, как упорно он подчинялся какому-то жестокой воле нового комбата, обобрававшего его прочное положение независимости от командиров огневых взводов. Калинин, выткнув лупу, приглядел особенно разрезать орудие на брезенте, остальные лежали в тени брустверов, неромко похуствуя орудиями, никто не решался посмотреть в лицо Лазареву, который постепенно перестал жевать, широкие его скулы затвердели.

— ... Так вот что. Дал орудия из леса передаем на опушку, к орудью взвода Васильева, — сказал Илья голосом приказа ни в чем не сомневающего человека. — Переири с немцами, давай, глядишь, у солдатов. И скомандовал! Конечно. Шалкин уплыл занять и оборудовать немедленно на железнодорожном насыпи. В районе сада и домика. Дню два часа на оборудовании. Лазареву два столько же на связь с пехотой.

Ровно через два часа ему доложили, что наблюдательный пункт выбран на железнодорожном насыпи, связь проложена к окопанным на опушке траншеям орудия, установлены правофланговым стрелковым батальоном, занимавшим станцию, и Илья перебрался на другую сторону кулича, к насыпи, чтобы обсмотреть на наблюдательном пункте батарею.

И снова летняя покой солнечного дня лотек из чащи соснового леса, обволакивая орудия жарой, тишиной, одиотным гудом лесной осы, и напозвала всякая пелена драматическая, да слепила осы, осы, осы. И Калинин сидел на станине крайнего орудия, изредка протяжно звал в сладостратистоме, по-бабы хлопал корковой рукой по рту, а сержант Демиин, крепкопругий, рыжий, с красной кожей, устроился под бруствером и, надувая на лоб пилотку, журмурил на кучевые облака, сияющие краями в синеве неба. Остальные солдаты расплоспались с сон-

цепека, с голого моста у орудий — то в открытые ровики поближе к земляной прохладе, то к ишу для снарядов, прикрытую брезентом.

Владимир лежал на плац-палате, разостланной на опушке леса, возле огромной сосны (туго зинтный холостой шел зыб от зыбли), и чувствовал, как откусает головная боль, и весь он будто растворяется в этой мирной лени сытого часа, в пестроте бликов, в этом благоухании без армий, без войны, без комбата, который настоячно обещало венную неизменную жизнь с зелеными, светолюбивыми днями, пропитанную любовью, радостью, как когда-то было в дачные сумерки Малаховки, затмившей синим заморозком тынками, изогнутыми платформами из заросших сиреневых перелюков, поздними гудками и шумом электрички за озаренным лунной лесом.

Мунительное всего было то, что Илья получал письма от Маши, треугольники, свернутые из разноцветных листов школьной тетради, и, подывая несмешливые буквы, читал их, затем говорил несколько удивленно: «А! — и не без небрежности засквозил письма в полуюзу сына. И все же, когда раз Блэкман, в борьбе себя, спрости, что и о чем она пишет из Ташкента, и всякий раз Илья, передавая ему Машин привет из завукации, прибавлял с усмешкой: «Представьши, они еще за паратомею, а Маша, охотно писал ей, вернее, отвечал за двоих, но письма по-прежнему приходили не ему, и чувство обиды и несправедливости испытывал он время от времени. Надо было, очевидно, не вспоминать ее часто, а было так, что Илья, наивный, школьный так, как относился к прошлому Илья — с дружеским синхродельным офицера, понизившего на войне гораздо больше, чем он за девять месяцев учебы в артиллерийской школе, — как-то не мог забыть о фронте, где оба командовали огневыми взводами и разлучались лишь изредка, поддерживая огнем разные батальоны.

К командованию батареей Илья был готов давно, но не складывалось. Былши, комбата старшего лейтенанта Дробышева, человека немолодого, тутодуного, неповоротливого, призванного в армию из запаса «гражданского тофика», Илья не принимал всерьез, однако выполнил его приказания с той искусственной старательностью, которая помогала ему скрыть личное нерасположение. «Теперь в батарее он заставит всех слушать себя», — думал Владимир, разозренный дремотой, лежа на пелене, и сдвигаясь, говорил: «Илья! Он заставит всех выполнять свои обязанности и не потерпит ничего лишнего».

Верну за широкой зеленой вершиной высоко тянула нежнейшим дымом закружений насыпью, Илья сидел на насыпи, и ему чудилось, что когда-то знойным днем после купания он вот так же лежал в лодке, опустив всея, слыша хлопание воды за зычными бортами, все чудилось пахло летней рекой, южным полотноцем, в мимолетном дачном берега Клязьмы, и плыли вдоль зарослей камыша опрунжтые в воду круглые облака.

И сказов дрему вспомнил конец лета в Москве, когда начинали съезжаться к себе, — долгие августовские вечера во дворе, в переулках. Замечательные отдавали тепло, асфальта, в школьном саду не давая подымалась розоватая пыль над многоголовой вольебольной площадью, а когда он принимал мяч, поданный Машей, то видел, как моталась ее выгоревшая волосами, и ему чудилось, что смеком глаза от ощущения этой гибкости послушного тела и от сознания своей власти над тем, кто чересчур внимательно поглядывал на ее золотисто-загорелые плечи, почти шлоном, что в сумерках от морской воды и южного солнца.

Владимир пошевельнулся и сел, пригладившись к стволу сосны, его окатывал, напывшая волнами, смолотный воздух, а вокруг все лежало в

¹ Везде (содатский жаргон).

проклятой сонной одуре, усыпляемое треском кузнечиков. От орудия, из снарядной ниши, из-под брезента доходил солдатский храп, внося в чувство нерушимое, домашнее, точно позавчера и не был похоронен в братской могиле четвертый расчет. Часовой Калинин с карабином на коленях, задремавшая на стене, затихно зевал, ворочал красными бейлами, и, внезапно разбуженный толчком ноги Демина, отозвался обиженным вскриком:

— Ты очумел, никак? Зачем толкаешь? Тогда Демин приподнял с земли красивую русоволосую голову, позвал не без юродствующей вкрадчивости:

— Калинин!
— Дурака на!
— Опять свое? Чо я тебе сделал? Зачем насмехаться? Земляк ведь ты мне, Демин. Сколько нас тут воронежских: раз-два — и обчелся — заговорил голосом тихой укоризны Калинин, и, верняя расченная осколком ту-ба его, похояна на зычно, сжеглась виновато. — Не обижай ты меня, за ради бога... Двое из земляков остались. Позавчера Махорова сваяло... из Малых Дворков. Осколком

так грудь и разворотило. Последние мы с тобой.

А Демин, потягиваясь на земле молодым телом, наслаждаясь ничтожным деланием, сытой истомой, снова позвал притворно озабоченно:

— Калинин! Слышь, Кали-инкин! Или как глухарь оглоз?

— Ну чего? А?

— Дурака на. Умный ты очень. Потому тебя на посту в храп тянет. Башка хитрит. Чего ты хитрый такой?

— Ну, для какой нужды пристаешь ты, Демин? — жалобно спросил Калинин, и подобие улыбки сморщило его изуродованную верхнюю губу.

— Мда-а-а. Как не думаешь, так не думаешь, а как подумаешь, так что ты думаешь? — проговорил Демин, преисполненный напущенного ликования, и проторной грудью выдохнул воздух. — Сундукам из вашей деревни везет завсегда. Особенно ежели уши лопухами, — продолжал с издевательской растяжкой слов Демин, радостно следя за изменением облаков в небе. — А у нас лопухастых за каждым плетнем. И поддеревни Калининных. Надо же! Куда ни плюнь — все в какого-нибудь Калининна попадешь. И все коровы Дуинки, а соба-

ки — Шарки. От дуроломы несусветные!..

— Чем же мы тебе не по душе-то? — робко забормotal Калинин. — Деревня наша маленькая, всего пятнадцать дворов, люди хорошие, работающие. В нашем-то Михайловском парни дерутся, бывало, а у нас в Дворках тихо, гармошка играет, девки поют. Мы тихие, у нас садов и пasc много. Мы никого не забивали.

— Я тебе и говорю — святой ты дворничий, будешь сто лет после войны на гармошке наяривать, а потом на небеса вознесешься — и прямо в рай, — сказал Демин, колыхнув смехом грудь, и через минуту позвал скачущим голосом: — Калинин!

— Ну чо?

— Оглобля через плечо!

— Опять свое! Ну, чо я тебе сделал, Демин?

— А я тебя спрашиваю сурьезным русским языком, Калинин, почему у нас в колхозе все собаки — Шарки?

Были беззаботно-праздничны эти часы июньского дня, который запомнился Владимиру, как жгучий солнечный блеск перед чернотой...

Продолжение следует.

ИСКУССТВО «МАКБЕТ»

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Большой театр... Рождение балета.

Май. Яркое солнце струится в просторные окна репетиционной. Зал пуст. Почему-то светло горят четыре люстры, но этот свет не нужен. Кто-то гас их.

Тишина. Большое сценическое помещение. В углу медицинские весты. Рядом обиходная, прозрачная жестяная лейка. Вдоль голых бетонных стен натертые до блеска многими десятками рук деревянные поручни скамьи. Звучат гулкие шаги. Появляется Галина Сергеевна Уланова. Стройная, в сером костюме. Вечернее солнце зажигает легкий венчик светлых волос. Рядом с ней Владимир Васильев в черном трико, будто чужаком, со скульптурно ясными, мощными и одновременно тонкими линиями силуэта — широким разлетом плеч, выпуклым строением мышц. Пепельно-холодные тени неспешно скользят по полу. Двое остановились, о чем-то беседуя. Доносится отрывки фраз неясного для меня разговора. Слышу неторопливое и ритмичное «ша-па-па» — и графически предельно очерченный жест руки Васильева, особенно обаятельно читающийся на фоне окна. В огромном зеркале — одной из стен зала — все повторяется. Этот второй мир фиксирует каждое движение танцовщицы или танцовщика. Строгое око — бессонное, зоркое, бескомпромиссное.

К инструменту садится концертмейстер. В репетиционной уже четверо: Владимир Васильев — балетмейстер и исполнитель роли Макбета, Нина Тимофеева — леди Макбет, Галина Уланова — репетиция и Кирилл Молчанов — автор музыки балета «Макбет».

Первый аккорд. И аспект неслучайно касается клавиш рояля. Звучит грустное эхо. В зал незаметно вошло среднеевропейское.

— Все сначала, все сначала! — звучит негромкий голос Васильева. Хлопок руки.

Пыльные выгоревшие занавески, простой дощатый пол. Обиденность. Великая проза труппы.

— Макбет! Как вы отравили меня? В этом все парадокс, — слышу я слова. — Я все время мечусь и скрываю свой страх. Она сильна, и я боюсь, — произносит Макбет. В руках Васильева я вижу незримый кубок. Он пьет несуществующий напиток... Театр. Действо. Если хотите — магия.

— Ты же выпил, а потом поверил, — говорит Уланова. Показывает сама движение. Вычит становится изловчивающей.

— Не бери вину. Следи за силуэтом! — Голос знаменитой балерины звучит мягко. Уланова стоит у лобового окна и будто растворяется в свете.

— Обойди Макбета еще раз, — просит Галина Сергеевна. Нина мгновенно повторяет нужное движение. Ее шаги еле касаются пола, — кружащиеся, колышущие. Она должна изловчивающе задержать своего супруга. Заставить его понять неизбежность убийства короля Дункана. Репетиция продолжается. А где-то рядом глухо рокочет огромный город. Двадцатый век.

— Володя, мне кажется, ты взял ее слишком высоко. Сложная поддержка не получается.

Еще один раз. Еще и еще. Я теряю счет.

Тяжкое, прерывистое дыхание, неслышимые шаги. Адовая работа — вот что такое повседневность балета.

Кто видел репетицию мастеров высшего класса, тот поймет, какая бездна усилий, самых невыносимых, вложена в это — далеко светящуюся вперед — легкость движения на сцене. Неимоверно долгий, многолетний путь — от школы с юных лет до этих минут репетиции — оказывается лишь мостиком для одоления все новых и новых высот.

— Володя, эта поддержка что ты не получаешь...

«Какая же это пахала» — думаю я.

Композитор молчит. Он сцепил руки. Чутко слушает мелодию. Глядя на отвечающий ей ритм сложных перемещений героев балета в пространстве зала. Хореография — немая говорящая ткань, в которой авторам до совершенства каждый жест, поворот, шаг. Геометрия чувств... Ведь ты не слышишь на сцене ни единого слова, но тебе, зрителю, должен быть ясен любой диалог, монолог, сцена, в которой действуют, спорят, сражаются десятки людей. Колдовство... Я не нахожу другого слова, потому что ремесло, мастерство, тренировка все. Должно быть воплощено, пронизано, выразительно, таинственное чуть-чуть. Это и есть истинный балет, где нет прозаического, перечислительного разговора, а вступает безмолвная песня поэтического, лирически наполненного танца.

Поражает, что балет, этот наиболее зримый орынный вид искусства, в подготовке спектакля неизменно тесно приземлен. Танцовщица в процессе репетиции, в классе, некоторое время будто пребывает в состоянии почти гусеницы — невзрачной, тусклой, бесконечно измученной, чтобы потом, в огнях раялы, мгновенно раскрыться, взлететь ярким, невесомым, легкокрыло порхающим мотыльком...

За окном полдень. Простой деревянный пол стал янтарным. Прошло уже три часа репетиции. А ведь были разработаны всего две ситуации, даже не сцены будущего спектакля. Потом, на генеральной, я заметил, что эти коллизии, сыгранные в предельно отточенном выражении, заняли... меньше минуты времени! Такова цена прекрасного.

— Если бы зритель мог слышать ваши голоса, — говорит Уланова —

ва! — Но вы должны становиться вашим чувства. Изобразить их. Поэтому повторим. Все должно быть ясно... Репетиция продолжалась.

Будут пламя рукопесчаный, и тает, тает вековой ниней истории, исчезают тысячелетние барьеры, восстает живая связь времен. «Макбет» на сцене Большого театра. Балет! — грандиозное эхо, в котором хохот и стоны далеких эхо звучат как гулкое рождение неспоконного хоса страсти, владеющего человеком и сегодня. Потому так вечно, современен гений английского драматурга. Но чтобы заставить звучать голос Шекспира в балете — искусство немой пластики, нужны были музыка и хореография, которые помогли бы раскрыть феномен трагедии бытия, столкновения любви и ненависти, света и тьмы и, наконец, очертили зловещий зов Гога, владеющего судными людьми. Так родились сцены по Вильяму Шекспиру — «Макбета Молчанова и Васильева» — в которых сделана попытка воплотить слово великого драматурга в форму музыкальную, пространственную. Шекспир, разворачивая сюжет трагедии, подчинился законам драматического театра. Перед авторами спектакля встал почти неодолимый барьер: борьба за Шекспира и «против него» — битва за параметры балета.

Перевести словесный строй в сложный язык неролигов танца и все же сохранить обличительную этическую роль «Макбета», не потерять грандиозность накала страстей, бушующих в трагедии, — вот задача, заданная предшественниками балетмейстером-постановщиком. Особенно важно при всех этих невероятных сложностях было сохранить время, в котором происходит действие, за всей современностью музыкального языка и пластики не потерять чарующую палитру далекой эпохи, составляющую суть характеров и стилизованный спектакль. Композитор Кирилл Молчанов, балетмейстер-постановщик Владимир Васильев, художник Валерий Левенталь, дирижер Фрут Мансуров сделали все возможное, чтобы перед нами встала древняя Шотландия.

Владимир Васильев — ватель. Только вместо податливой глины, гордо-архаичной или чеканной бронзы период ниней жилая пауза танца. Безумно трудна задача воплощения трагедии Шекспира в балете, ибо логика танца, несмотря на всю свободу, все же связана земным тяготением, пределом мышечной энергии и, наконец, условностями хореографии, которые, конечно, не могут соперничать с размахом своей обаятельной раскованностью с логикой гениального драматурга.

«Люди Нежданного. Сиреневый вечер. Снег. Мягкие, теплые блики света фонарей. Где-то в двух шагах — центр Москвы. Толща машин. Потоки спешащих, озабоченных людей. Здесь тишина. Ветхая маленькая церковь. Фасады старых домов, на них мемориальные доски. Имена великих русских актеров».

«Хлопнула дверь лифта. Замок. Маленькая комната. В неярком, приглушенном теплом сиянии абжурка — черный рояль. Ему тесно и одиноко. Инструмент живет в кабинете композитора. На лакированной спине рояля кипа нот. Рядом столик у окна. Кресло. Шаф с книгами».

Аккорд. Густые печальные звуки рушат тишину. В комнату входит древность. «Можете себе представить», — проговорил Кирилл Молчанов, — что я ощущал, когда стоял у подножия «Макбета». Страшный омут страсти людской. История, далекая и вечная, ноющая, стояла передо мной, натерпанная гениальным пером. Не знаю, решился бы я на этот свой опыт музыкального прочтения трагедии Шекспира, если бы Прокофьев не протопил первую тропу из двадцатого века в тьму и в свет «Ромео и Джульетты». И я дерзнул...

И снова прерванный аккорд. Я вспоминаю голоса робов, английского рояля, кларнета, итгичи человеческого лепет деревянных духовых, рассказывающих легенду. Увидел сцену Большого театра. Глухие, душные своды старинного замка Инвернес, в стенах которого вот-вот разграбится дьявольская история предательства. Пролетает кров...

Музыка «Макбета» сурова и проста. Звонкие страсти, сжигающие сердца героев балета, аса атмосфера мистерии возникает перед нами в ясных музыкальных формах, лишенных какой-либо манерности или вычурности. Смелые гармонические построения четки и ритмически

Балет «Макбет» на сцене ГАБТ. В рояль: Макбет — народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, премии Ленинского комсомола Владимир Васильев, балетмейстер-постановщик спектакля. Король Дункан — заслуженный артист РСФСР Сергей Радченко.

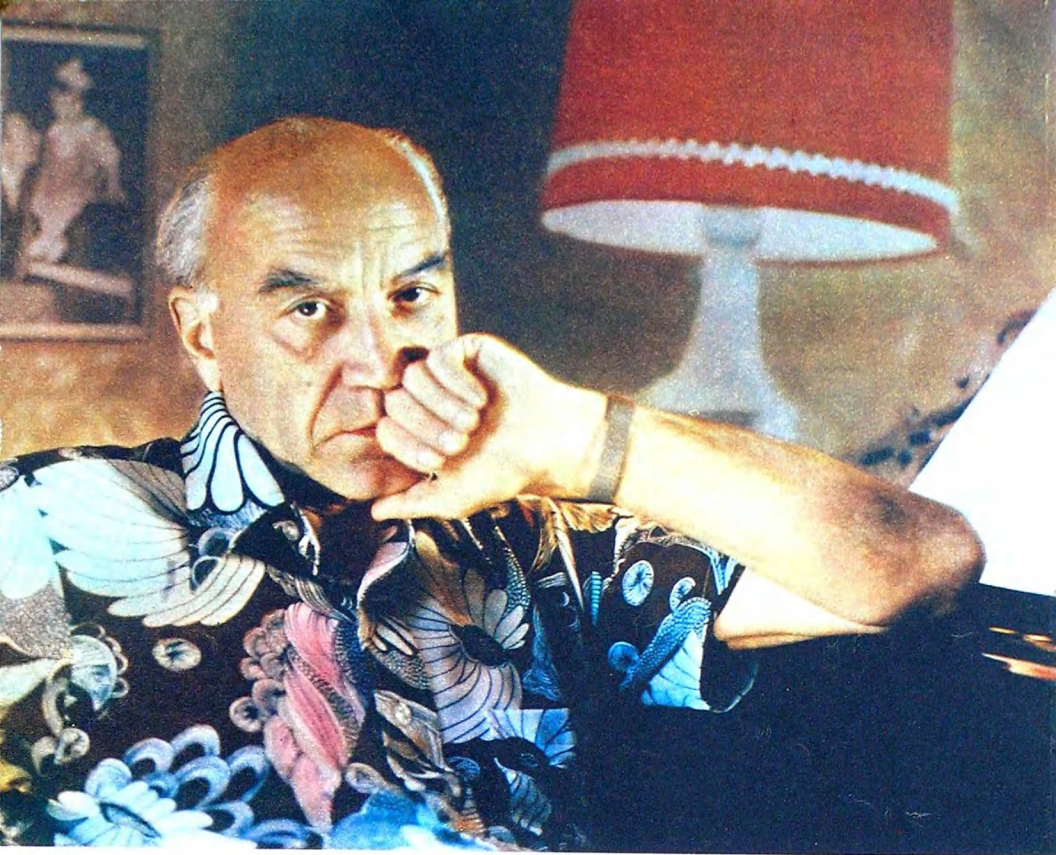
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДИ: Давид Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Галина Сергеевна Уланова и народная артистка СССР Нина Тимофеева перед спектаклем «Фрагменты балета «Макбет» в исполнении Н. Тимофеевой и В. Васильева.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

прозрачны. Малос балета, берущий начало в народных напевах старой Шотландии, решен в современном духе. Оркестровая палитра Кирилла Молчанова красочна, и она, несмотря на весь демонизм трагедийного тона балета, глубоко реалистична.

...Зал Большого театра. Огромная люстра погасла. Электрический свет нас покинул. Тайнственный луч из далекого дальнего озера озарил темную бездну шекспировской трагедии, и я забыл, что это всего лишь сны софитов. Гром. Приглушенное пение бархатных густых голосов — баритоны, альтисты, сопраны. Плав, скрипи, шепот. Злобные гримасы вещуньи. Немой их хохот. Странные прыжки, равные лямбоды одежд. Хромающая — на пунтах — походка. Поворот, и мы видим вместо лиц колудных змеющих глазниц, осяка черепов. Видение исчезает.

Кричат фанаты. Войска короля Дункана победили. Один из героев триумфа — Макбет. Его появление в первой картине чарует: сильный, открытый, мускулистый, он олицетворяет твердость, честности. Владимир Васильев сумел найти пластический язык сложного героя. На наших глазах происходит расхождение в нем между идеальным и реальным. Это страшный процесс перевоплощения, выраженный в скульптурно зыбких формах. От движения-полета человека-птицы к судорожному комку поверженного тела злодея.

...Тревожный грозовый ритм не покидает сцену. Летят пушечные из лул — боевые стрелы. Символ ярости, сострадания, битвы, под чертуют в мускулистых групповых танцах воинов в первой картине. Но не сражения — основа действия. Недооцененная сила Рока — лейтмотив спектакля. Для контраста во вторую картину введена маленькая сцена-пауза. Трогательная мимическая история о судне, несущейся к прибрежью. Звучит простая шотландская народная песня, лютые мягкие голоса деревянных духовных инструментов. В эту грустную глубоко человеческую мелодию вдруг врываются гнусавые вздохи саксофона, и перед нами возникает демонический облик леди Макбет — хозяин этой душной темы.

В кресле партера рядом — Уланова. Я понимаю, что буквально каждое движение танцующих как бы проходит через нее самое. И еще раз чувствую то напряжение, внимание, то большой труд, который вкладывает великий художник балета в каждое па, в каждый нюанс. В обеспечении логического невидимого строя непрерывности, кантленности танца, не позволяющего ни на секунду потерять образ, силуэт, очерчивающий все до единого характеры трагедии.

Аджикю. Макбет оцарен коварной и жестокой женщиной, не оставившейся ни перед чем. В нем нет ни капли сомнения. Лучший час жизни — в жертву стремления — обрести корону. Когда парфироносный аладка наконец назван и придворные приветствуют короля Макбета, осяю эту библистическую кураку становится торжественная первая леди королевства. Приглушенное звучание оркестра подчеркивает фальшь этой круговерти лжи, притворства, коварных, пылх интриг.

Действие все убыстрится. Гибнет Банко — Андрей Кондратов — от руки Макбета, убирающего с дороги свидетеля пророчества — ведьм. Но большая совесть преступника рождает приказ убитого: Макбет вступит в путь Банко на своем троне. Страх овладевает им. И вновь возникает зловещее трио. Вещуньи с посохами продолжают свое липкое заволакивающее движение, и вы невольно угадываете в этом роковом ритме неминуемый исход трагедии. Когда последний раз возносится, как туманное облако, вверх занавес, на одиноком троне — Макбет один наперст. Он духовно опустошен. Разбит. Владимир Васильев удаётся с фантастической силой создать сложнейшую форму этой финальной сцены, где отражен леденящий ужас скопления человека с самим собой. Макбет отшатывается от трона. Скользя его угасающих движений рисует роковую борьбу страстей, разрывов преступную душу. Жажда власти отступает перед мраком совершенного.

Среди самых блистательных учеников Галины Сергеевны Улановой Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Маллика Сабирова, Светлана Адашвава, Людмила Семеновна, Анна Тимофеева.

Нина Тимофеева... Представьте хоть на миг ту лавину цветов, изюстов, восторга, которая обрушивается на прима-балерину Большого театра. И это из года в год... Как тут не податься вихрюм слезам. Не уступить слезному желанию отойти от постинте каторжной ежедневной школы, возвращающей тебя каждое утро на змелю, заставляющей слушать не всегда лиценцированные речи. Но тот, кто шагнул однажды на тернистый путь танцовщицы, знает, что без труда, шугид, без тяжелой р в б о т м, без боли, лишь в одиночку достигнуть вершины невозможно. И если талант, не прожжнши, Это закон! И, пожалуй, мало кто из «звезд» Большого театра так упорно, фанатично исполняет этот завет. Ни одной репетиции беспринципно не пропустила Нина Тимофеева. Часами в Москве или во время гастрольных поездок она неустойно занималась в классе с ней мало кто из нас сравнит в этом благородном упорстве, осознанием, вдохновенном служении искусству.

«Если бы не ленинградская школа, если бы не Галина Сергеевна, то...» смущенно говорит Нина. — Наверно, меня бы не было.

Но она есть! И в этом, конечно, заслуга и огромный труд ее учителей, репетиторов, балетмейстеров. Но признаемся, что те глубина раскрытия сложных драматических партий, которой достигла Тимофеева — Меланью Бану в «Легенде о любви», Эгнису в «Спартак» и особенно в роли леди Макбет — это плоды ее лично вдохновенного, трепетного проникновения в истинную бездну классических образов. Здесь без культуры, темперамента и, повторю, фанатизма, подвига всей жизни никак бы не состоялось.

Искусство — тайна! Только поэтому возможно, что вечно сомневающаяся в себе, стареющая быть почти незаметной, трепетная Нина Тимофеева, как никто, создает в нашем балете характеры властные, гордые, непреклонные, порою жестокие.

Парадокс! Возможно. Но творчество, чем оно значительнее, тем оно сильнее, и истории его неодолимых творческих усилий. Нина Тимофеева создала свою леди Макбет настолько тонко и мощно, психологически обаяно и в то же время кристально прозрачно, что хочется верить — это ее роль войдет в галерею классических образов нашего театра.

В «Макбете» мы увидели молодую Нину Семизорову. Талант юный, ликующий, сочетающий великолепные внешние данные с огромным желанием постичь все тайны мастерства танца. Интересен, оригинален образ леди Макбет, очерченный ею.

Виктор Барыкин... Его Макбет — нервный, резкий. Может, исполнен еще больше осознания, но это его первая большая драматическая роль, и в ней уже проглядывают истинная артистичность, тонкость, такт. Впереди годы работы, шугид.

...И снова я невольно слышу тихий голос Улановой на репетиции в просторном павильоне зала: «Нина, пожалуйста, повтори...»

Пылтники культуры — гордость человечества. Не всем и не всегда это было ясно. Ныне мы зрим огромные усилия нашей страны сохранить эти бесценные и ценности. Каменные плиты сегодня говорят: «Охраняется государством». И это прекрасно!

На днях мне довелось видеть пылкий спектакль «Жизель» Адаша. Это один из последних оставшихся на сцене Большого театра почти в первоначальной чистоте шедевров классического балета.

...В заколдованной роше движется в заволакиваемом ритме, подобно ожившим мраморным богиням античности, величественные и бессмертные души некогда живых, любящих, счастливых и несчастных деи, обреченные на вечное сценическое существование. Это искусство, неотразимо заключено в этом волшебном, повторяющемся перемещении озерных тайнственных светом белоснежных виллис — непреклонных, гордых.

Мы знаем, что волшебные огни, загорающиеся в глубине нирванской родки, суть электрические лампочки; что Жизель, летящая в озерных облаках — всего лишь статистка; почти заметен стальной трос, удерживающий ее в воздухе. Но ты не видишь, не хочешь видеть и замечать всю эту бездну, потому что тебя покорили черты прекрасного — музыка, балет! Ворожба танцевальности — самый Жизель — непрерывного движения, раскрывающего протянутое в пространстве. Да, это мать: таково истинное искусство, где стерта грань реального, танцевального, мимического, будней.

Казалось бы, бесспорна истина, что Рафаэля или Рембрандта не надо да и нельзя «перелистывать». Если есть желание сказать новое слово, использовать новые усилия, чтобы создать и новую красоту. Это аксиома. Почему же считается хорошим тоном в балете не балет классики, перелистывать заново шедевры, существующие на планете как вехи прекрасного? Это не означает, что не надо идти вперед. Но разве живопись Делакруа или Валентина Серова перечеркнула холсты Рубенса или Брюллова? Неужели музыка Вагнера или Рахманинова нользможно заставляет нас забыть звуки творения Баха или Глинки? Ведь театр Островского никак не исключает театр Чехова...

Надо идти вперед, искать слугиты нови, но при этом не надо забывать Эрикмата или Лувра. Так же, как не надо отнимать у людей радость общения с шедеврами классического балета.

Палитра современного искусства многоцветна и многозвучна. Особенно это ощущается в нашей стране — постинте сокращении, творческой купели народов, принесших в общую культуру Земли свои краски, свои слог, свои ритмы. Сохраним же достойно жемчужным классическому балету, давшего своей родине непреодолимую мировую славу.

Антракт.

Небольшая комната. Два трельяжа, умыльвальня, в углу старомодное зеркало. На нем до потолка потоптались огромные балетных пачек. Пустые стелы... Свет плафона дробится в зеркалах.

Лифт. Коридоры, каменные ступени. Проход. Брызжит свет. За порогом сцены, рядом с первой кулисой, — квадратная досочка с насыпанной канфилой. Черный полут. Красные кнопки: «Пуск» и «Стоп». На бетонной стене крупными буквами: «Курить воспрещается». Только что кончилась репетиция, утихла спешка. Правые нервные бугиды.

Пустыня сцены Большого театра. Мир чужой тишины. Откуда-то сверху, из темного хаоса ползут неслышимо декорации. Занавес закрыт. За ним лепечет огромный зрительный зал. На сером, гладком как лед полу — «галерея» — люда. На збжбе — человек, избравший место. Он берет. Вдоль темной стены на пунты, склоняла голову, вскинула толкую руку. Замерла. Синий холодный свет остро блеснул по гладо уложенной репетиции. Отбросил колючую тень на спинку бутефорского трюпа. Вспыхнул металл. Пробежало тысячелетие... Вот-вот прокрякнет труба. Заговорит сирена. Распадет лед, зашумит вода.

Тихо. Так тихо, как бывает перед грозой, когда кажется, что слышишь звук собственного сердца.

Театр...

Композитор Кирилл Молчанов * Ведьм — Владимир Дерезанов, Сергей Соловьев, Сергей Громов.

АЛЕКСАНДР ПРОКОВЬЕВ

Д.М. МОЛДАВСКИЙ

Я знал его очень долго, с моих детских лет: он дружил с моими родителями. Много раз я писал о нем — были книги и статьи; пришлось писать некролог, потом воспоминания... И только сейчас, когда о поэте говорили уже в прошлом, а о юности его — в далеком прошлом, начинаем понимать масштабы его работы.

Убежден: рядом с ним ходил очень большой поэт. Подлинный. Глубокий. Новатор и человек, свято чуждый истерий данные ему традиции.

Его жизнь началась на берегу Ладожского озера — Ладоги, в рыбацком селе Кобона. Помните?

О Ладога-малина,
Малинова вода,
О Ладога, води нам
Заклинать невода.

Лес, ладки, вода и небо.

Детство было суровым, агрополью. Но звучали песни, попевки, частушки. Любость к ним поэт сохранил навсегда. В Питер он пошел учиться... Сотни, тысячи книг прочитал в учительской семинарии — на всю жизнь запомнил стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова... Но узнал и другое — идеи революции носились в воздухе.

А потом:

Шел Октябрь,
Небо тучами черными
Лес раздал, обаял, оставался
Револлюция — ветер,
Револлюция — буря,
Револлюция — сердце мое!

1919 год.
Новые песни, новые стихи.

Молодой коммунист Александр Прокофьев впервые идет на фронт. На защиту Красного Петербурга, на Юденича. Читая его стихи тех далеких лет, скромные газетные строки, вспоминаешь: Давыда Бедного, то «Юнка РОСТА» Маяковского.

И приходит на память строки «Песни о баяне» знаменитой «Песни А. Прокофьева: «По лесам долинкам и полянам, вдоль прибрежных, волжских берегов все с баяном, ой, да все с баяном мы ходили, ходили на врагов. Поверили, нашу землю росы, и под ветром в милом нам краю завылились ленточки матросов, и летели коницы в строю».

Но это потом — спустя много лет.

А через несколько лет после гражданской войны он вспоминал:

В сгущающемся (глохнем,
романтизма марша) мы облеклись
как черти, в доск
Гладили безумцы пошел на
фронт, а там бородой
оброс.

Мы — миллионы людей
бестрашных,
те, что разрушили
гнет.

По всем известным морям
и странам слава о нас идет.
На таскату таскату вост
знамена — красивый брахат

Огонь, и воду, и медные
трубы каждый из нас прошел.

Потом он учился, потом стал
чекистом. Гордился доверием на-
родо.

Первых стихов Александра Прокофьева читатель при его жизни не знал. К таланту своему поэт относился осторожно, ранних стихов не перепечатывал, не вспоминал. Уже после смерти Александра Андреевича были найдены их рукописи.

Среди них был набросок лирического стихотворения, видимо, эскиз. Нет, конечно, это не лучшее из написанного поэтом, но не знал. К таланту своему поэт относился осторожно, ранних стихов не перепечатывал, не вспоминал. Уже после смерти Александра Андреевича были найдены их рукописи. Среди них был набросок лирического стихотворения, видимо, эскиз. Нет, конечно, это не лучшее из написанного поэтом, но не знал. К таланту своему поэт относился осторожно, ранних стихов не перепечатывал, не вспоминал. Уже после смерти Александра Андреевича были найдены их рукописи.

Очень слабы подражательные строки про худого северного раба или ий позволю немощно наклониться и изголово солнца море. Я отдам любимой сердце с кровью. И теперь не буду больше груб. И припал, припал бы и изголово. И искал бы мягких, сладких губ. (Публикуется впервые.)

Очень слабы подражательные строки про худого северного раба или ий позволю немощно наклониться и изголово солнца море. Я отдам любимой сердце с кровью. И теперь не буду больше груб. И припал, припал бы и изголово. И искал бы мягких, сладких губ. (Публикуется впервые.)

просьба, а молюсь или об «изголово солнца море».

Период ученичества у А. Прокофьева был достаточно долгим. Не читал, поразившийся силе его «первых» стихов — «Песни о Ладоге», «Незнакомки и др., вошедших в коллективный сборник «Газет», а потом в его первую самостоятельную книгу «Подвиги» (1931), о них, разумеется, ничего не знал. А вот стихи из первого сборника запомнил:

И головой со мною вровень
Неясная, но хороша.
Она идет туфелькой крова
И летговенья камыша.

...И, в сердце радостное
Туманный облик стерегу:

Я много слышал,
незнакомка,
О вас на дальнем берегу.

Прекрасные стихи, в блоковской традиции.

Безусловно, у раннего Александра Прокофьева мы найдем влияние и Александра Блока и Владимира Маяковского; где-то по казательной прикусности к нему еще и Николай Клюев, и Николай Гусев, и другие поэты, имена которых он так щедро вспоминал под старость в своих стихотворениях.

Но это одна традиция, традиция современной литературы, внутрилитературных влияний.

Но была и традиция иная — традиция народного творчества, традиция фольклора, самого, трепетного и взрывного народного слова, традиция, окутывающая Александра Прокофьева. Мне приходилось рассказывать ему о поездках по дальним странам, по неближким краям. Но по-настоящему заинтересовывался Александр Андреевич и слушал уже не «вполуха» (как он сам говорил), а с полнейшим вниманием, когда речь шла о народном творчестве.

Он и сам прекрасно знал народные песни. Он хорошо знал былинны и причитания. И обожал частушки, не всегда подпадавшие для цитирования в юбилейной статье, но, могу заверить читателей: это, пожалуй, интереснее, чем беседовать «выдавая» заряд частушек, которых он, Александр Андреевич, еще не знал.

Еще в начале тридцатых он был гостем заводов, строев, воинских частей — об этом можно прочесть в газетах тех лет.

Он был делегатом Первого съезда советских писателей.

Его стихи о Родине и родном городе завоевывали сердца, порой становились песнями: «Иногда да любить — все печаль растают, как тает весеннее снега... Звенит золотая, шумит, золотая, мой золотая тайга!»

С первого часа, с первого взрыва Отечественной войны он ощутил себя мобилизованным. Пости-

ческая публицистика, стихотворный репортаж — все было взято на вооружение А. Прокофьевым:

Угрюм, но не допустим
(Нам воля дорога)
К Невым широкой устью
Проводящий вранье.

Всегда, разговаривая с Александром Андреевичем, я поражался его знаниям — и поэзии и русского фольклора. У него была даже игра такая: выбирается какое-то слово, ну, скажем «лебеда». И каждый из присутствующих должен сложить на это слово стих. Великолестное знание фольклора проявлялось в прекрасной его поэме «Россия», написанной в годы Отечественной войны.

Сколько звезд голубых,
Сколько ливней прошло,
Сколько гроз,
Сколько горей — Россия,
Белогоние лужи берег.

Да широкая русская песня,
Вдур с каких-то дорожек
Сразу брызнувшая и поднебесье
По-родному, по-русски —
взашлеб.

Он был художником слова, натурой целостной, могучей. И в поэзии и в жизни.

Примечательны стихи Александра Андреевича не любви. Хитросплетения сюжетов ему были бесконечно чужды. Он любил историю, не ту, как он сам говорил, «экзотичную хуху», «корсавет», а простоту мастерства. Сам он был мастером в полном смысле этого слова. И стихи его рождались из сложных, порой ассоциативных связей, начало которых возникало в увиденном клене, весеннем цветке или в цветовой гамме дня, а продолжение приходило из фольклора (принем, разумеется, не только из того, что он слышал и запомнил когда-то в детстве, но и из того, который он внимательно наблюдал всю свою жизнь), а потом возникали сложные формы движения стиха:

Я точно знаю, кто впервые
Давным-давно сказал:
«Не трусь!»
Тогда сказала там Россия,
Россия —
Есин кратко — Русь.

«Смотри! Потом ведь кто-то спросит:
Не трусь, а значит — не лги.
Тогда дала и ося не берет
И побоясь быть вранье».
Нельзя и лгутой врать.
Ходил немало по Руси.
Ее напуститю поверял.

А кто не верит — сам спросит:
У тех домов с конюшней
У тополь — в воде по груды.
У флагах белых и горящих,
Что осенял дальний лоток...

Книга «Приглашение к путешествию» показала подлинную народность поэта, его глубокие знания песен, при сказок, легенд, живущих в памяти России.

Он был настоящим поэтом. И стихи были его жизнью. Была да-

К. РАШ

Фото Э. ЭТИНГЕРА

Кто из нас не помнит с детства эти странные географические названия — Кула и Манч, рек, по бассейнам которых проходит граница между Азией и Европой на Северном Кавказе — это Кула-Манчская впадина, как пишут в учебниках. Владну проезжий человек не увидит, вокруг, насколько охватить можно глазом, бескрайняя равнина под куполом синего неба. Сербится ковыль на склонах балок, низины устилает душистый чебрец, над головами заливается жаворонок, да кружат астры в поднебесье, и бежит по степи Кула-хлопотунья. Речка в виду неказистая, но важная. Воды ее не просто мутны. Они поразительно мутны. Кажется, это не вода, а глина во взвешенном состоянии.

Но даже такая энергичная река еще недавно, не добегая до Каспия, терялась, обессилевшая, в песках за Нефтекумском. Теперь же, Кула, как под руки, каналами бережно до моря доводит. Вода здесь так чужда, что маленькая река не только делит части света, но и дает название четырем районам — Нефтекумскому, Левому, Зеленокумскому и Прикумскому. Последний, теперь вновь переименован в Буденновский район. Он расположен на востоке Ставропольского края. Буденновск до революции назывался Савтой Крест. Защищенный сонный городишко, основанный во времена Павла, в гражданскую войну оказался в центре революционных бурь. На площади Савтой Креста больше казнили героя гражданской войны Ивана Кочубея. Там теперь памятник знаменитому комбригу. Город оброславина прославленная Савтокрестовская дивизия.

Последние пять лет Буденновск не сходит со страниц центральных и особенно местных газет. Он стал популярен. Сюда идут потоки грузов со всей страны и из-за границы. Спешат командированные, едут строители, пылят сапосы, засаждают штабы. Словом, кипит стройка на окраине Буденновска. У самого берега озера Буйвола в степи вырос завод-гигант.

Пять лет назад молодой директор новополюского производственного объединения «Полнимира» Дмитрий Михайлович Лукин был назначен директором не существовавшего еще Прикумского завода пластмасс в городе Буденновске. Отрасль отдавала строке свои лучшие командные кадры. Ставропольский край сделал то же самое. Сам Буденновск посылал на стройку тысячи людей. Специалисты подбирали опытных, не теряющихся в нестандартных обстоятельствах, ценились опыт и решительность.

В 1975 году Д. Лукин вместе со

своим водителем Николаем Шуровым, уроженцем Буденновска, приехали на пустырь у озера Буйвола и без заминки и музыки забили первый колышек в основание будущего завода. Потом этот колышек превратился в 770 тысяч свай под различные сооружения. И какие сваи!

В этих краях ветры ураганные не редкость. Город и его окрестности покоятся на тридцатиметровой подушке из прессованной пыли, тончайшей, как пудра. Это без всякой метеоформы пыль тысячелетия, неотомытая работа ветров. Чтобы загнать сваю на двадцатиметровую глубину, сначала бурят шахту. Гуда вставляют ларек из металлической арматуры, потом под давлением в шахту загоняют бетон. Сто пятьдесят километров труб разного сечения из металла, керамики, чугуна, стали и пластмасс шутя к заводу под землей. Столько же труб под са-

Зам. управляющего трестом «Промстрой-2» Н. П. Кавталадзе.

мом заводом, а сколько их над землей!

Что тут творилось горячей летней порой — и не передать! Гул механизмов, рев самосвалов, вставших сварик, мелькание тысяч касок, пыль столбом. Пятсот ставропольских студентов за лето осваивали миллион рублей. В пиковые периоды число строителей доходило до десяти тысяч. И это в районе, где, по словам руководителя треста «Промстрой-2» Степана Георгиевича Махмурина, еще недавно даже жаждущего СМУ не было. Здесь трудился народ со всех концов края.

Степь тут не любит шуток и ничего не делает наполовину. Коли жара, то под сорок — горит и трещит земля, высыхают реки, опаленные зноем; коли мороз, то тоже под сорок, и те же бедные реки промерзают до дна. А коли задует черная буря, то пиши прощай. Вой, стон над землей, марш комрешный, не то чтобы солнца, а пальцы вытянутой руки не видно. Строители эти переживают.

Понятно, строится завод, его будущие специалисты, начинающие цехов, слесари, аппаратчики обучались на родственных предприятиях в Союзе и за рубежом. Завод установил контакты со многими научно-исследовательскими институ-

ми. Особенно крепкие узы связывали его с Институтом катализа Сибирского отделения АН СССР. И все это во имя того, чтобы возвести крупнейший в Европе завод, который обеспечит стране почти треть прироста производства полиэтилена.

По существу, это завод-полуавтомат, хотя каждый узел представляет сам равен солидному предприятию. На редкость умное производство. Каждый день оно будет потреблять эшелон бензина из Грозного. Намечается противу нитку бензопровода из Нефтекумского — это за 80 километров от Буденновска. Из бензина тут будут получать не только полиэтилен. Бензин пройдет через огонь, воду и трубу, его будут кидать то в жар, то в холод, сжимать и вновь отпускать, то доводить до газообразного состояния, то вновь превращать в жидкость.

В процессе полимеризации жидкий этилен кипит в реакторе, опускается вниз во взвешенном состоянии и выходит на свет божий чистым белым порошком. В другом цехе его вновь разогревают и, выдавливая, как мажораны, разрезают на гранулы, потом сыплют в мешки, запаковывают — и на платформы. Всеми операциями управляет ЭВМ. Но даже на этом автоматизированном заводе будет занято две с половиной тысячи рабочих, причем рабочих очень высокого класса, ибо завод — последнее слово химической индустрии.

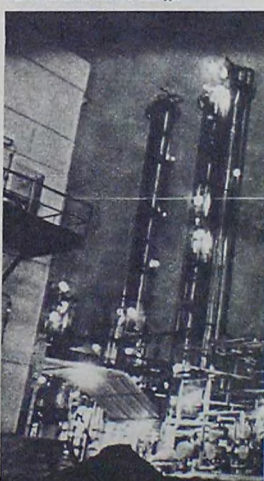
Разглаживая грушевидные реакторы-великаны, невольно задумываешься: как их доставили сюда? Ты можешь и не задавать этот вопрос. Все равно тебе расскажут про эту эпопею — столь же сложную, сколь и смелую операцию перевозки реакторов из Ленинграда в прикумские степи.

Лукин со своей командой оказался при этом на высоте. После тщательного анализа всех возможных вариантов доставки реактора из Ленинграда и через Каспий и через Черное море грушевидные реакторы весом в 210 тонн поехали по Онеге, Ладоге, Волге, Дону и озеру Манч-Гудило, а там от села Дивное посуху до Буденновска. Каждая разгрузка и погрузка — целое событие. Речники никогда с такими махинами дела не имели. Лукин появлялся на пути реактора при самых драматических ситуациях, называвшихся безаварийным. Опыт, упорство, смелость выход подкашивались. Реактор весом в более десяти тонн был пронесен по воде и по степи безрезино, как ничто.

Какими только хитростями, уловками не прибегали в пути. Под модами притапливали баржу с контрвеса, приподнимали провода электропередач. Озеро Манч не судоходное — не беда. Чтобы под килем было хотя бы 20 сантиметров, подкачивали из соседнего Пролетарского водохранилища воду в озеро Манч. Две тачки,

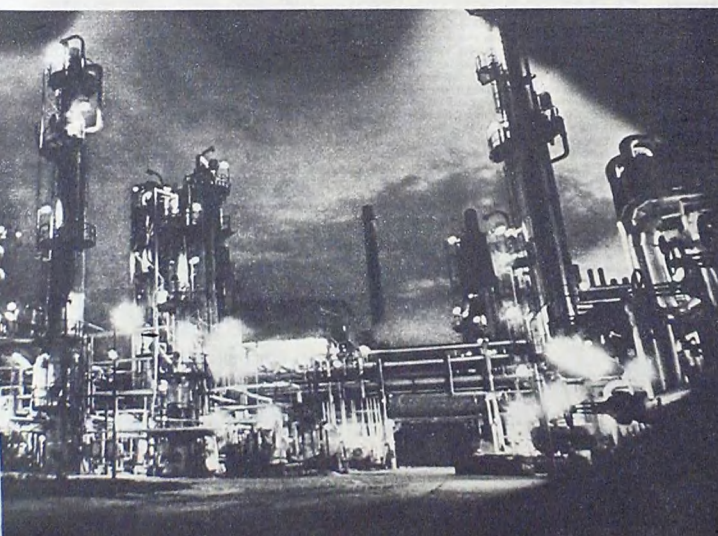
Зажигался огонь нового завода.

В СТЕПИ

Один из лучших аппаратчиков завода, Николай Батушкин.

«Ураганы», тащили реактор спереди, а третий придемпивал сзади на спусках. Малые мосты обходили. Насыпали новые дороги и объездные пути. Самые большие испытания выпали на суше. Скорость 8—10 километров в час. Десятки машин сопровождения. Могучие «Ураганы» режут. Медленно ползет по степи груша в 25 метров длиной. Картина как из фантастического фильма. Реактор собрал тысячи любопытных буденновцев. Встреча в Буденновске была торжественной. Люди были так потрясены видом машины, что всю осень сюда приезжали фотографироваться у реактора.

Кончили строить первую очередь завода, а уже забывают сваи для второй. Она даст аннотацию для пластика и эмульсию для лаков и красок. Здесь будут получать и полипропилен для всевозможных отделочных материалов и труб.

Прикумский завод пластмасс стал для здешних строителей и руководителей еще одним испытанием на прочность, деловитость, мобильность. Но все началось не здесь, в Буденновске, а на берегу Кубани, в Невинномысском, четверть века назад, когда там был заложен гигант нефтехими. Невинка — старт большой химии Ставрополя. Потом был Черкесск, а теперь Буденновск.

Стоит лишь вспомнить Невинку, беседа с ветераном стройки, и сразу же твой собеседник настроивается на лирическую ноту. «О, Невинка!.. Так то же моя молодость». Это молодость и заместителя начальника «Промстрой-2» Нодари Платоновича Кавтеладзе, и секретаря крайкома партии Вениамина Георгиевича Афонина. Когда шла стройка в Буденновске, Афонин был заведующим отделом строительства крайкома партии. Вениамин Георгиевич знает завод пластмасс вдоль и поперек. А спросите его: «Как это было в Невинке?..» Там он начинал инженером, стал секретарем горкома партии. Невинка теперь целая школа в нефтехимии. Она поставляет кадры другим городам. Станет ли такой же школой Буденновск? Покажет будущее. Сейчас коллектив завода органично включается в многогранную жизнь города. Хоть и принято говорить, что завод построен на пустом месте, но это не совсем точно. Он строился в тяжелых условиях, без строительной базы, но не на пустом месте. Привязка к местности была безупречной. Рядом сырье. Буденновск на ветке железной дороги, и к тому же дальние поезда не идут. К нему тяготеют пять соседних районов. Сюда они везут на элеватор зерно. Отсюда развозят по районам товары с базы потребления. Здесь лучшие медицинские учреждения на востоке края. Тут крупнейшая ленточка фабрика и, наконец, трест «Прикумскводострой» с пятью тысячами рабочих дает воду, а значит — жизнь. В районе трети миллиона тонкорунных овец. Буденновск знаменит своим виноградом. Разве это «пустое место»?

И все-таки в этой бескрайней степи между Европой и Азией, где летом кружат лениво астры в знойном мареве, ничто так не поражает, как возникший сверхсовременный химический гигант.

Осторожно, словно бы все здесь было хрупким, и стены и любые отдельные предметы, Даша передвигалась по мастерской. Ей хотелось и все сразу охватить одним взглядом и выныкнуть в каждую подробность. Она знала, что все эти сотни и сотни полотен, натянутые на подрамники или вставленные в багетные рамы, в тепле, неизбежно приставленные к стене и тыльной стороной повернутые к человеку, — все эти неисчислимые стопы рисунков на бумаге, уложенные в папки или попортуху накрытые связанными крученым шлагом и взломозданные на плотничной рукою сделанные стеллажи, — только малая часть труда художника за двадцать лет. Что-то передано в музеи, что-то подарено или продано, а больше всего — выброшено в мусорную корзину или передано огню. Мастерская Андрея Арсентьевича была оборудована центральным водяным отоплением, но по согласованию с пожарной охраной в зимнюю пору он устранил большинство радиаторов в просторном, заснеженном дворе. Иначе ему и повернуться было бы негде.

Даша первый раз в жизни была в мастерской художника. Она любила бродить по картинным галереям, только времени мало было для этого, любила читать книги и смотреть кинофильмы о великих мастерах кино. Но это было все равно что рассматривать гербарий вместо живых цветов, растущих на тихой лесной полянке. Покупать в магазине душистую поджаренную булку вместо того, чтобы проследить мысленно путь зерна с момента, когда его бросят в землю, затем заболит и вырастет из него на поле тучные колосья, сожмут их, обмолят, смелют, просеют, закатают дрожжами и превратят в хлеб.

Она видела результаты труда художника, была зарочена ими, но она не видела самого живого труда художника, не вливалась в его душу, которую он вкладывает в свой труд. Все это для нее было загадочным и священным. Она остро, хотя и неосознанно, чувствовала, где подлинное вдохновение, а где бескрылое ремесло.

И вот она ходила по мастерской художника, перед картинками и рисунками которого всегда испытывала потенциальный восторг. Почему? Она не сумела бы объяснить этого. Это был не художник, чистота ее духовного видения мира. А может быть, она сама была такой чистейшей в понимании мира этим художником. Все равно. Важно, что они совпадали. Любая картина, отделенная от ее создателя, была собственной, независимой жизнью. Она могла быть величайшим проявлением искусства, но все-таки для Даша она оставалась только картинкой, свидетельством степени одаренности художника. В мастерской же Андрея Арсентьевича его работы были продолжением его личности, его жизни. Вот почему здесь все и было хрупчайшим. И на самого художника Даша смотрела с таким же внутренним трепетом, как и на его картины.

Ей хотелось понять, увидеть самой, как это делается, как замысел художника

превращается в линии и краски, единственные линии и краски, способные ожить под рукой мастера. Рисовать и сама Даша умела, в школе получала пятерки. Но это было просто добросовестная техника рисунка. Еще более добросовестной, высокой и даже высочайшей техникой пронызаны были работы многих профессиональных художников, живописцев и графиков, которые доводилось ей видеть на выставках и в повседневности, — иллюстрации в книгах, картины и эстампы на стенах квартир и укрежденных помещений.

Смотреть на эти произведения искусства было приятно, порой они будили какие-то далекие ассоциации, создавали настроение, но осязаться с ними и поговорить наедине, как с живым человеком, как с собственной совестью, хотелось с немногими. Изысканными. Работы Андрея Арсентьевича для Даша все были и з б р а н и м и, даже те, которые не обладали особо высокой техничностью своего исполнения. Его рисунки и картины жили, с ними можно было мысленно разговаривать, советоваться, спорить. И просто наслаждаться, глядя на них. Даша чувствовала себя внутренне оскорбленной, когда при ней кто-то равнодушно переворачивал книгу с иллюстрациями художника А. Пугинцева.

Она много раз пыталась представить себе, как же выглядит внешне сам этот Пугинцев. И не могла представить. Он как бы по размерам своим не выходящий за рамки ее воображения. И не потому, что он был гигантом, нет, а потому, что ее рамки для него были тесны. Ясно ей было только одно: этого человека можно верить. Как нельзя верить и его искусству.

И когда он впервые появился в их лаборатории и спросил, не называя себя, может ли он видеть Германа Петровича Широкопала, Даша без колебаний, почти автоматически выговорила: «Да, Андрей Арсентьевич, да». И удивилась тому, что на его лице, в свою очередь, отразилось удивление: откуда она его знает? А как же иначе-то? Но это был немой обмен взглядами. Очень быстрый, потому что Даша, зардевшись румянцем, тут же вскочила и открыла ему дверь в кабинет своего начальника.

Конечно, не так уж совсем неожиданным было появление Андрея Арсентьевича. О нем не раз говорил Даша Герман Петрович, что вот, дескать, завел курьезное знакомство с одним художником, который для него интересен в двух отношениях. Во-первых, как знаток горной сибирской тайги, с которым можно было бы скооперировать нужную для собственной научной работы Германа Петровича поездку в глубь этой тайги; во-вторых, как иллюстратор и оформитель книги, давно готовящейся к публикации по тематическому плану лаборатории. А поскольку у художника есть и свой интерес — обещание ему извлечения старинных изданий из бабушкиных сундуков, — встречи с ним будут желанны и полезны.

Герман Петрович даже сказал доверительно Даше, что на данном этапе количество этих встреч важнее их качества, то есть это может быть и пустой болтовней. Главное — в ходе этих частых бесед приучить Пугинцева к мысли, что их совместный поход по сибирской тайге — дело твердо решенное. И приказал Даше постепенно и неторопливо — время есть и его можно еще подрастить — обойти всех сотрудников НИИ и в частном порядке выслушать, что и какими богатствами для Пугинцева — не говоря, что для Пугинцева — располагает. Все собрать, сконцентрировать здесь, а выводить художника малыми порциями.

Даша и тогда этот заговорщический тон не поправилась. Художника Пугинцева она полюбила по его рисункам прежде, чем услышала что-либо о нем от Германа Петровича, но при казании начальника выполнять надо, и Даша отправилась в обход по всему институту. Ей повезло. Кой-что быстро, уже через несколько дней, оказалось у нее в руках, кой-что ей пообещали посылать в картинных темных кладовых и на дачах, а наиболее отзывчивые и ретельные согласились поспрашивать еще и своих знакомых.

Коль скоро определенная часть собранных Дашей старинных изданий уже могла быть передана по назначению, закономерен был и приход Пугинцева за ними. И Даша его ожидала. Но день за днем возникали перед кабинетом Широкопала разные посетители, а Пугинцевым ничто из них не называлось. Да если и называлось бы, Даша ему не поверила бы. Когда же вошел Он, ему называться не было надобности.

Р-зговор за закрытой дверью показавшись Даше недалгим. Тренульм эконоич, и она подналась, перед зеркальцем поправила волосы и пошла на вызов.

Герман Петрович сидел не за начальническим, а за рабочим столом, на диване, рядом с журналом, и что-то энергично ему рассказывала.

— Знакомьтесь, — предложил он, широко распахивая руки, — Андрей Арсентьевич Пугинцев.

— Я знаю, — сказала Даша, олять совсем автоматическим, не дав закончить фразу Герману Петровичу.

— Откуда! — невольно выговорил и Андрей Арсентьевич.

— Не знаю...

Она смущалась совершенно, понимая, что действительно эти два слова никак не объясняют. Интуиция, что ли, подсказала! Но это годится бы в непринужденной беседе, а не здесь, в официальном кабинете, хотя начальник аполураслаблен и сидит на диване. Но так он чаштенно сидит и в своем кресле.

— Не знаю, — а растерянность проговорила Даша, видя, что Андрей Арсентьевич поднимается с дивана, чтобы подать ей руку.

Герман Петрович нехотя тоже встал, хлопнул Дашу по плечу покровительственно.

— Моя научная энциклопедия, — щедро сказал он, мой типотраф и мой великий визир. Дария Иванова Лавриненкова. Хотя почему она Дария, а не Дарья, решительно понять не могу. Поэтому для удобства и краткости именую ее просто Дашей. Поскольку в будущем, дорогой Андрей Арсентьевич, вам временами придется прибегать к ее посредничеству, прошу иметь это в виду.

— Дария Иванова... — начал Андрей Арсентьевич, неловко делая шаг к нему на бугеу киз в ее имени.

— Называйте Дашей, — умоляюще попросила она.

— Спасибо.

И Даша заговорила в его усталых глазах теплым, дружеским огнем. Андрей Арсентьевич стал ее расспрашивать, когда и как он смог бы ознакомиться с рукописными материалами той книги, которую сейчас он согласился иллюстрировать, и когда он, смог бы получить уже для собственной своей работы старинные издания.

Застигнутая врасплох, Даша не знала, как ему ответить.

— Там еще очень большая переплетка... — невнятно сказала она. И прямо-таки смеялась, представая себе, какую адскую работу, прежде чем начать переплетку, должна про-

делает она по приведению рукописи в порядок, по выверке фактов, цифр и научной терминологии, по выправлению стиля и устранению грамматических неопределенностей и ошибок. Лыжная доля рукописей принадлежала перу Широкопала. А она ведь была его «энциклопедик» и «великим визирем», не считая типографии— пишущей машинки.

— Созвонимся, обо всем созвонимся,— торжественно включился Герман Петрович, боясь, чтобы Даша по неопытности не раскрыла некоторые задуманные им ходы. — Можно ведь и по частям знакомиться с материалом! Заходите, Андрей Арсентьевич, почаще. Путь к нам от вас нетрудный, на метро всего три остановки. И Андрей Арсентьевич и заходить и заходить к ним согласился. Его очень интересовали старинные издания. В меньшей степени — грандиозная рукопись Широкопала. Но волею Германа Петровича все это было некоторым образом соединено вместе. И волею Германа Петровича Даша выдавала Андрею Арсентьевичу старинные издания небольшими порциями, внутренне страдая от своего соучастия в тайном заговоре, в который она вложилась и еще одну, несведущую Широкопалу, собственную долю. Она стала аккуратнейшим читателем Ленинской библиотеки и библиотеки иностранной литературы по разделам, интересовавшим Андрея Арсентьевича, записывала на свое имя нужные ему книги, альбомы и атласы и приносила ему. Добывала многое и по межбиблиотечному абонементу.

Она, возможно, и открыла бы Андрею Арсентьевичу всю правду, рискуя при этом потерять служебное расположение Германа Петровича, а вместе с ним и рабочее место, которым по семейным обстоятельствам очень дорожила, она бы это сделала, если бы заметила хотя малейшее неодобрение или сомнение со стороны Андрея Арсентьевича.

Но он завопил и спрашивал: «Дашенька! почему-то легче это выговаривать, нежели «Даша». Она радостно ему отвечала: «Да-а, Андрей Арсентьевич, да...» И не дожидаясь второго вопроса: «Мне можно прийти?»— добавляла: «Приходите, Андрей Арсентьевич, приходите! Кто-то новое есть для вас».

Его сразу же в своем кабинете принимал Герман Петрович, иногда приглашая и «великого визиря», а чаще один. Вел не особенно долгие разговоры, а потом Андрей Арсентьевич подаивался к столу Дашин и вместе с нею просматривал приготовленные для него материалы. Этот совместный просмотр ему очень нравился, потому что Даша-«энциклопедик» тут же давала очень важные и необходимые справки и разъяснения, юю для такого разговора заранее тщательно выверенные и проработанные по первоисточникам. Иначе она не могла.

Бывало, и он что-нибудь ей рассказывал о своей работе, о хождениях по тайге. Даша слушала его, замирая, он казалось, что это самые счастливые минуты в ее жизни, она приближалась к великому таинству искусства через одно из создателей прекрасного, она душой входила в тот мир образов и мыслей, которым наполнен художник. Тяжелые побывавшие Андрей Арсентьевича только усиливали эти ощущения. Жизнь этого человека в ее понимании неразрывно сливалась с искусством.

О себе говорить ей было нечего. Вот тут была она. А дома... Зачем знать Андрею Арсентьевичу, что у нее дома?

Она ему во всем доверяла. Но именно поэтому не хотела ничем гордиться, не предлагала даже, что Герман Петрович уже давно посылал Андрея Арсентьевича во все женские невагоды, с достаточно развязными комментариями насчет неумения Дашин находить ключи к их решению.

«Не чувствует мой великий визирь ритма нашего времени»,— завершил Герман Петрович.— Но, между прочим, она совсем на пороге той позднейшей поры, когда может оказаться не девушкой, а... девой. Старой, как в старину и говорах. Видите ли, десять лет она не может свалить со своей шеи параличную мот. Будто мы живем не в социалистическом государстве, где существуют для безнадёжных инвалидов разные пансионаты, дома для престарелых или как их еще там, дома эти, называют. Любовь к родной матери! Извините, да эта же «родная» для нас сделана давным-давно жестоким тираном!

А к тирану какая любовь? Ей кажется, сложилась проблема неразрешимая. Но это же вовсе не «квадратура круга», это «гордиев узел», и нужен для его рассечения самый обыкновенный молот самого обыкновенного Александра Македонского».

И не могла догадаться Даша, что этот грубый рассказ Германа Петровича, наоборот, в особенности расположил к ней Андрея Арсентьевича. С такой же доверительностью, как обо всем, кроме грустных домашних дел своих, разговаривала с ним Даша, он поделился с нею творческими замыслами, упомянул и свою «квадратуру круга». Пригласил взглянуть вообще на некоторые свои работы. Законченные и незаконченные. Именно поэтому Даша и очутилась в «хрустальных» стенах его мастерской.

8

Андрей Арсентьевич не любил писать портреты. Они ему не удавались. Кроме четырех: Ирины, Ольги, Зыбна и Юрия Алексеевича. Любый из них он и сам не знал, как возникли на листах бумаги или холсте. И остались жить навсегда. Но только для него. И не для показа посторонним.

Его что добродушному знакомству просил Широкопал. Просил Зенцовы.

«Ну что вам стоит, Андрей Арсентьевич, потратить на нас всего несколько часов? Право, так приятно в доме иметь собственный живописный портрет, да еще принадлежащий кисти известного художника».

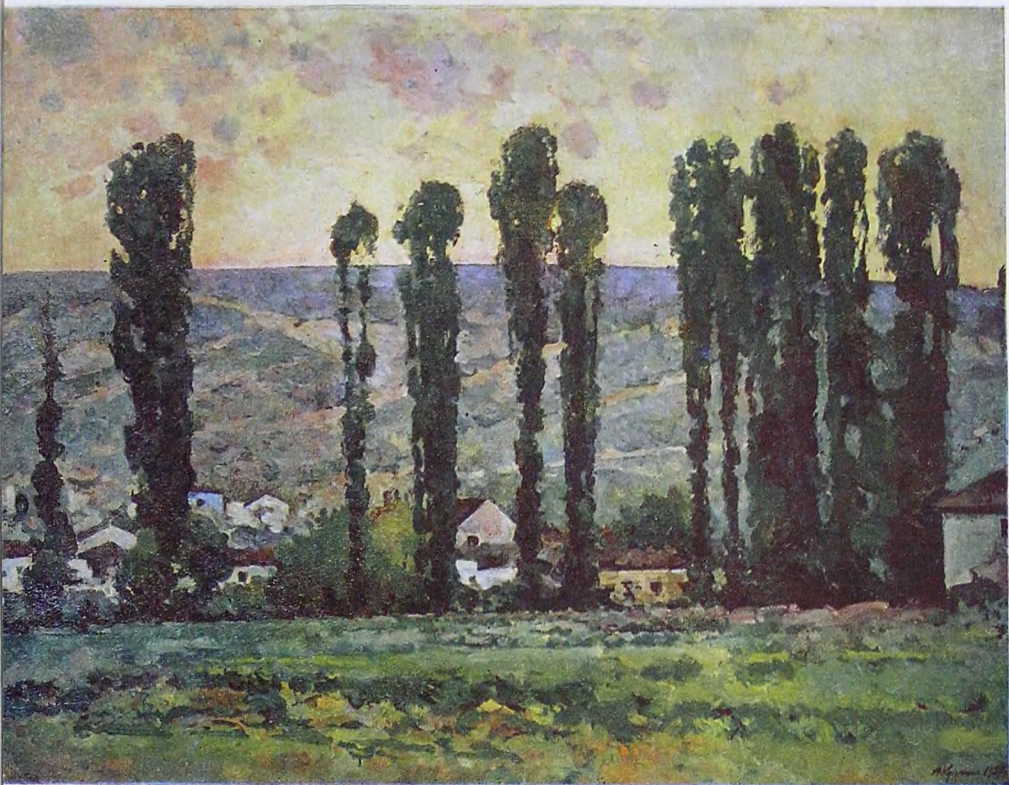
При этом Зенцовы намекали, что в их доме бывает много именитых зарубежных гостей, и кто знает, если им понравится работа Андрея Арсентьевича...

Широкопал туманных далих перед Андреем Арсентьевичем не открывал. Он просто убежденно считал, раз у него есть знакомый художник, этот художник не может не написать его портрета. Это же совершенно ясно. Азбучно.

И все-таки Андрей решительно отказался. Заявив, даже с некоторым раздражением, что

А. Куприн. НАТЮРМОРТ С КРАСНЫМ ПОДНОСОМ. 1950.

А. Куприн. ТОПОЛЯ. 1927.

Государственная Третьяковская галерея.

Ц. С.) хотя бы еще одного человека, хотя бы дряхлого старика, но лучше сильного юношу». Важно, Впрочем, не то, какую именно экономическую организацию представлял Мари Дюверже. Важны мотивы, по которым она вдруг так серьезно заинтересовалась жителем Самарканда Аминум Гадаевым, далеко не «сильным юношей», а попросту отцом из детей.

Синиостская агентура, сочла самаркандского тощилыча «соорешим» для подачи заявления о переезде в Израиль. И это послужило сигналом к неспрестанным атакам международных «наставников» студентства Гадаева. Одновременно начали поступать на его имя письма и посылки от синиостских «попечителей» из США, Англии, Мексики, Дании, Бельгии, Израиля — почитать только, какую пошлость и пошлостью популярности вдруг приобрел самаркандский житель, все реже и реже выкрикивавший: «Ножи точить, бритвы править» — и все чаще и чаще участвовавший в спекулятивных комбинациях.

Зарубежные опекуны и наставники Гадаева обрадовались, когда их «попечитель» подал заявление о выезде в Израиль. Но вскоре он явился в ОВИР и попросил вернуть ему заявление о желании выехать в Израиль. Такой неожиданный поворот заставил синиостских попечителей Гадаева с бешеной энергией усилить нажим на него. На смену письмам пошли и ход телеграммами. А уже выехавшему в Узбекистан Гадаеву от слесарных увещаний перешли к агитации печатным словом с помощью лживых книжонки и брошюрок. Это совпало с большими изменениями в семейной жизни до зарезу чуждого Гадаева. Он женился, купил ка, заброшенного тощилыча камень и окончательно отдавшегося призванию спекулянта и картесника. Оставив на попечение брошенной жены трех детей, в том числе восьмилетнего инвалида, он женился вторично.

И сразу же в одной из карточек, заведенных единомышленниками мадемуазель Стербо на провоцируемых ими иностранных граждан, появилась новая запись: отец второй жены Гадаева проживает с такого-то времени по такому-то адресу в Израиле.

Вот тут-то и обрушился на самаркандского «дороного друга» поток почтовых правлений из Безансона. По количеству посланных Гадаев писем Мари Дюверже посылалась, превзойти всю синиостскую агентуру из многих западных стран, ранее «обрабатывавшую» очно и заочно самаркандского тощилыча. Мадемуазель судила дискуссии с самим отцом блудного сына. Она жаждала ответа на любом языке, пусть даже ей незнакомом.

И Гадаев, вконец запутавшийся в синиостских гонимых и изощрявшийся в отношениях с родными и земляками, отнес на страстные увещания своей безансонской «подруги» подателю заявления в ОВИР. Он уехал в Израиль.

Не уверен, находится ли Гадаев там ныне, но на третью неделю после прибытия в стране он принял участие в ослепительной синиостскими властями демонстрации перед зданием министерства абсорции. Демонстрация протестовала против того, что их, студентов из стран арабского Востока, так называемых бухарских евреев, сотрудничают министерства и работники «Сохнута» относят к второстепенным. Их отправляют на жилые пункты преимущественно в отдаленные районы, предлагают селиться в домики, где на теоретически отказываются жить, переселяются более высоких категорий. «Не создавай для нас черты оседлости!» — скандировали демонстранты. Накануне иммиграционные власти выпытали на улицу семью

прикованного болезнью к постели Мури-Баса, которого Гадаев знал по Узбекистану. Сравнительно сносною квартиру в Абу-Нахуре, где недолго проживал Мури-Баса, сохну через роскошную для «какого-то» бухарского еврея.

Характерный для израильской жизни штрих: против демонстраций резко выступили представители «чуждых чистоты» и заправили объединение новоборющихся — выходцев из Грузии. С точки зрения руководителей объединения, такие «чуждополюс» евреи, как Аминум Гадаев, не вправе претендовать на то, чтобы жить в Израиле. Ставшие на одну доску с евреями грузинами. Вероятно, Гадаеву и его обманутым землякам уже известно, что и грузинские евреи не смеют на «исторической родине» претендовать на то, чтобы к ним относились так же, как, сием, к высокопородным ашкенази — уроженцам западноевропейских стран. Слабое, впрочем, утешение для «калялого бухара» Гадаева!

Но если он уже и бежал из Израиля, на карьеру мадемуазель Мари Дюверже Стербо никак это не отразится. Она внесла свой практический вклад в дело алии, она помогла спровоцировать отца «единицу» на переезд в Израиль. И, несомненно, гордится этим и в силу того, что не может прийти, что организация, в которую она входит, рекламирует свою «интеллектуальную» отрешенность от повседневных грязных дел сионизма, а значит, отрешенности и от себя, что делает заурядный сиониста из французского города Безансона.

На первый взгляд вроде и не стоило бы уделять ей столько внимания. Подумаешь, бомбардировала лживыми цидулками темную личность. Да сам Гадаев, возможно, уже с тревогой в мелкой душошке предвидел, что спекулятивные делишки в конце концов приведут его к уголовной ответственности, так что лучше, мол, заблаговременно покинуть пределы Советской страны, чем долгие годы все же расхлебать. Но мадемуазель Стербо. Ведь она, французская сионистка, включилась в акцию, начатую в Самарканде американскими «туристами» — профессором Менделеем Вернером и доктором Калифорнийского университета Наумом и Джонуша Рубинами, — иборионскими жителями Самозаем Козахом и Бернардом Каменецким да и другими их соотечественниками, «забытыми» в различных местах Самарканда (от санитара до туалета) сионистские книжники антисоветского направления. Эту акцию, представлявшую собой прямую антисоветскую агитацию жителей Самарканда на отъезд в Израиль, продолжили затем и тоже под припритым туристских паспортов жители Англии Дашей Роуз и Рей Грант, а вместе с ними функционеры всех американских, английских, датских, мексиканских и прочих сионистских организаций. Самаркандцам нежданые письма и непрошенные посылки. И потребовалось в конце концов еще участие в этой акции и французской сионистки.

Вот вам, читатель, нагляднейший пример того, как сием обстоит дело с сионистскими тесно взаимодействуют, оперативно сотрудничая и взаимно поддерживают друг друга разные отряды международного сионизма. Один у них цели, одна у них указка, один у них заокеанский хозяин!

МОЛОДОЕ СТУДЕНТСТВО БЕЗАЗОВСКОГО ВОЗРАСТА

То ли по оплошности какого-либо функционера, то ли по другой причине, но руководители «французской лиги студентов-евреев» были совершенно не извещены, что их тоже надлежит преобразовать в канатном состоянии «мексезонья». Только по этому, очевидно, в офисе этой лиги на avenue Клемента, 68, со мной согласился побеседовать.

Мне тут и не удалось установить, какой точно пост занимает в молодежной организации давно вошедшая в безазовский возраст азиатка мадам Аннет. Но более юные сотрудники и посетители обращались

к ней на моих глазах почтительно и даже по-доброму. Следовательно, давно вышедшая из студенческого возраста мадам не последняя спица в колеснице второй по численности молодежной сионистской организации в Париже.

Мадам разговаривала со мной так, словно не слышала моих вопросов. Если же я настоятельно повторял вопрос, она любезно улыбалась, но не отвечала, не хотела, что готова немедленно мне ответить, но тут же невозмутимо продолжала свой монолог. Вела она себя в офисе как наставник, как куратор, как пастырь, и это напомнило мне, что лига студентов-евреев, первых, подчинена непосредственно руководителям Союза сионистов Франции и, вторых, требовательно опекается лидерами сионистского движения Франции. Потом мне сказали, что мой собеседник даже входит в состав бюро лиги.

С первой же фразы нетрудно было заметить, с какой старательностью избегает мадам Аннет термина «сионизм» и всех производных от него слов. Не менее десяти заменителей использовала она в своем монологе. И «еврейское самозанятие», и «наш национальный дух», и «ощущение своего еврейства», и «моральная серьезность интереса к своему еврейству», и «сознательность», и «воспитание молодежи чистых еврейских общин», и «пробуждение интереса к национальным традициям предков», и «осознание долга в отношении неокрепшего государства Израиль», и даже «международные заботы евреев».

Орудия этой терминологии, мадам Аннет испытывала, видимо, уверенность, что ей удалось внушить мне, насколько чужда представлениям о мажорно сионистской лиге, сионизму. В доказательство того, что лига якобы не исповедует экстремистского национализма, преподнесла такую, с позволения сказать, довод:

«Раз мы поставили цель — укрепить географически далеко от нас, но по общему пониманию и пробуждающемуся чувству долга близкое нам (поди разберись в этих словесных дебрях!) — Ц. С.) еврейское государство, тем самым мы заботимся о благе всех стран, где проживают евреи».

Не так, возможно, деликатно, как следовало бы в диалоге с представительницей прекрасного пола, но мне все-таки удалось прервать увлеченную мадам и напомнить ей, что мы, советские евреи, не знаем, какова на деле она, эта сионистская «забота», и сколько клеветы, провокации, вмешательства в нашу жизнь и посягательства на наши права волеяла она в себя.

Выступавшая меня с закрытыми — в самом прямом смысле слова — глазами, мой собеседник с прежним упорством продолжала:

«Да, наша лига помнит о каждом еврее, не бы в Париже. А применительно к молодежным проблемам это означает, что мы призывает крепить узы молодых израильтян с молодыми евреями всех стран. И, конечно, мы во Франции гордимся тем, что помогли молодому сионистскому движению создать почти два десятилетия стабильности в Париже. Так следовало бы сделать во всех столицах Западной Европы и Америки. Это поднимает авторитет израильского общественного мнения и укрепляет его связи с еврейской молодежью других стран. Такую нашу точку зрения разделяет и фронт евреев-студентов Франции. Вам могут насчитать, что в методах решения некоторых проблем мы не совсем расходимся. Нам даже иногда называют конкурентами. Не буду уточнять, какая доля истины есть в этом. Но могу вас заверить: когда решаются проблемы связей с израильской молодежью, мы с фронтом абсолютно едины!»

И без пыльных заверений мадам Аннет вполне представляю себе, что в осуществлении главных задач международного сионизма обе организации студентов-сионистов стоят на одной позиции. Вероятно, неуклюжие заверения мадам Аннет мне повторили бы и в офисе фронта евреев-студентов Франции. Но там, на бульваре Страсбург, 54, знали о провозглашен-

ном межсезонье. Заглянуть туда я, следовательно, не мог.

...И все же несколько слов о нем обязан сказать. Меня в Париже ознакомили с некоторыми документами деятельности этой «студентской» организации, и я мог уловить главную подобность, обобщающую ее ненасытый антисоветский аппетит. Именно на сборищах заговорили во весь голос о долге сионистов «катализировать» осознанные разными народами Советского Союза причины катализмов между ними, в действительности порожденных их неравноправным положением в стране. Поинтерн? Сеять национальную рознь между советскими народами, натравливать их друг на друга, впускать им, что они якобы не равны в нашей стране, вот что означает эта сионистская деятельность. Суть ее — темнужую словесную шелуху...

А монологу мадам Аннет все продолжался.

ГАЛИЛЕЙСКИЕ РАСТИНЬЯКИ

И вдруг она с извинительной, правда, улыбочкой стала называть сионизм сионизмом, а сионистов сионистами. Вернее, не вдруг, а с того самого момента, когда перешла к жалобам. Да, самым настоящим, полным слезливым откровением жалобам на надвигавшихся Парик молодых израильтян. Попадая во Францию туристами, они превращаются то в абитуриентов, то в деловых, то в женихов французских девушек. С Париком, создадут для себя благодатный предлог не возвращаться в Израиль, где одних ждет армия, других — чиновничья работа на оккупированных палестинских территориях, третьих — возмущающие поручения сионистских организаций. Причем речь идет о юношах и девушках совсем не из семей, недавно переселившихся в Израиль и почувствовавших себя обманутыми, не о тех, кого израильская пропаганда называет «нордима» — «изменившими».

В Париже оседают отпрыски семей коренных израильтян-сабров и старожил-ватиков, принадлежащих преимущественно к привилегированным и состоятельным кругам израильского населения. Скорбные стелания мадам Аннет вполне отражают, должен сказать, недовольство французских сионистов и сочувствующих им кругов нашествием молодых беглецов из «страны отцов», которые, оставив палестинскую жизнь, пребывают на родине, хронически находясь в состоянии «ни войны, ни мира». Я уже рассказывал об этом в книге «Темная заплата», адресованной молодым читателям и повествующей преимущественно о гравной охоте международного сионизма на молодые души. Здесь же касаясь этого — большого для французских сионистов — явления для того лишь, чтобы читатель еще раз мог убедиться, что сионисты, убедившись, как краху глобальных планов «всеобщей алии» сопутствует массовое бегство из Израиля. Вегство не только новопривыбших, не успешных осев в стране, но и молодых из среды коренных израильтян, на которую делают главную ставку сионисты и клерикалы.

Осевшие у нас молодые израильтяне у себя дома говорят, что едут во Францию туристами, посмотреть мир — обмануть беглецов мадам Аннет — Их не пугает ни повышение цен на билеты, ни астрономический налог при выезде — они, слава богу, из состоятельных семей. В Париже сначала острит, что им надо вернуться в Израиль — стране, поездка внутри которой на каких-нибудь сорок километров, неважно в каком направлении, может привести либо на пляж, либо в соседнюю арабскую страну. Потом серьезно задумывается, что учиться в израильских университетах дорого и неинтересно. Проходит месяцы, годы, а они по-прежнему заверяют парижских евреев (будь великодушная «студентка» правдивой, она бы сказала «сионистские сионисты» — Ц. С.), что не собираются стать «нордима», то есть покинуть Израиль. Назовите их беглецами или хотя бы эмигрантами, они на вас обидятся и обзовут антисемитом. Но возвращаться в Израиль и

не помышляют, их вполне устраивает полузаконный статус «хуй ли арце» — это означает «вне страны». Мы знаем, что в Социальных Штатах «застарело» еще больше молодых израильтян, удалившись от обязанности строить свое государство. Но французским друзьям Израиля от этого не легче, — тоскливо вздыхает моя собеседница.

Парадокс! Активная сионистка, одна из кураторов большой молодежной организации, жалуетесь советскому писателю на недостаточную политическую заботу молодых израильтян и признает, что однажды, когда наивно думала, что каждая из них во се видит себя активным сионистом.

Однако мадам Аннет рассказывает мне все это неспешно, не из дамского стремления похвастаться. Подтекст был такой: западноевропейские сионисты вынуждены усиленно развивать контакты с израильскими соотечественниками, а уж на плечи французских сионистов, по природе своей «теоретиков» и «интеллектуалов», ложится святая обязанность помочь Израилю вернуть в лоно сионизма свихнувшуюся с пути истинного молодежь. И не случайно мои собеседница вскакивает награду на то, что сотрудничая с израильтянами, предпринимает израильских молодежных организаций много похвально в Париже и вернется домой идеей и организационно обогащенными, более подготовленными для работы в Израиле.

Сотрудники видны, что я не до конца осознал, почему она так гнетается на «полуправильно» израильскую колонию в Париже, мадам Аннет вручила мне экземпляр франкоязычной прессионистской газеты «Ариш» («Новость»).

— Прочтите статью «Израильские в Париже». И вы поймете, как осуждают непатриотичную израильскую молодежь парижане.

— Парикане? Явно не желая уточнить, о каких именно парижанах идет речь, «студентка» ответила мне подчеркнуто патетически и на весьма повышенной ноте.

— Вы не знаете, что в Париже живут люди, бланки принимающие к сердцу судьбу Израиля? Гораздо ближе, чем вы думаете! Думаете, если мы не говорим по-еврейски, то забыли о своей исторической роли? Нет, врагам сионизма молодежь мы не отдадим, нет!

«Если ты сионист и ты молод, твоё место на Голанах! Остающийся за границей — обманщик!»

Так обращается к «подрабатывающим, стажировавшимся, привьюкам, притворщикам» в Париже молодым израильтянам журналистка Ан-Елизабет Мутз со страниц «Ариша». И напоминаем тем, кто «не упускает возможности «сделать дело» в Париже, к чему привел подпольный бизнес многих молодых израильтян в Западной Германии — к преступному миру, к тюрьме. Толмак их на это куда? — Нет, желанная Франция ждёт. Такого же Бенни и Дани, которые встретили журналистку в парижском кафе: «Одежды они были как боги с ног до головы; рубиновые колготы у одного из них стоили шикарные. Картонный ботокотом с вышитым «Аришем» Эльви, и они знали, что такие квартиры их ждут».

По этим деталям мы окончательно убеждаемся, что бегство из страны охватило и самые привилегированные слои израильской молодежи. Они предпочитают подпольно заканчиваться в Париже, Нью-Йорке, Бонне, нежели благодарствовать, как положено представителям элиты, на «родине отцов», как ежедневно угрожающей им призывом в вооруженной армии для очередной карательной экспедиции.

В Париже, по наблюдениям Ан-Елизабет Мутз, эти «Галилейские Растиньяки» в Париже «чужично» упрекают местных евреев в недостаточном внимании к Израилю, чуть что — распускают кликушество. Но сами, к недовольству парижских сионистов, сводят на нет их пропагандистское брехню об израильском рае своими признаниями о том, что в действительности творится в покинутой ими стране.

А рассказывают-то они правду. И чем горше она, тем суворей мисте французских сионистов за «клевету».

Двадцатидухлетняя девушка из Беэр-Шева, прочно обосновавшаяся в Париже, согласна и при денежной поддержке отца, владельца обувного магазина, рассказала за столиком кафе в компании:

На задворках нашего дома поселилась семья приехавших из Беэр-Шевы техника по холодильным установкам. Но у нас и почему-то работает подсобным рабочим в мебельной мастерской. Меня начала было рабывать ночной сиделкой по разным приглашениям, но профессор объявил ей бойкот за антиизраильские настроения. И вот эту чету пришли приглашать на собрание общества защиты евреев в Советском Союзе. И мучат, отчитывают: «Чемог нам делать на таком собрании. Вот когда будет создано наконец общество защиты евреев из СССР в Израиле, я первым прибежу!»

В кафе посмеялись, но девушка стало не до смеха. За распространение антиизраильского злобного анекдота со слесарю жде для ее подверглись организованному ostracismu. До того организованному, что она вынуждена была переехать не то в Марсель.

Девушка клялась и божилась, что рассказала анекдот, а не была. Ев, увя, не поверили.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ИЗМЕНИМКА

А ведь попалась мне в Париже на глаза тел-ависий журналист «Шалом» № 4. Я, пожалуй, мог бы выругать девушку. Но, к сожалению, уже только впоследствии и прочитав на пятой странице этого «неизвестного» журнала письмо недавнего израильтянина, выступившего от имени «хорошо все обдумавшей» группы перешедших в Израиль советских граждан. Все они интуитивно средств обороны «от обмана, неудовольствия, пропагандистских посулов, игры на чувствительности» которым подвергают новоприбывших сионистские партии, особенно в время избирательной кампании. Автор письма выражает мнение людей, «изголодавшихся в Израиле по социальной справедливости, по избавлению от уничтожительного неравенства». И приходит к выводу:

«Для борьбы с местной бюрократией и защиты интересов русских евреев (они самые бедные и самые робкие) нужна «Лига защиты репатриантов из СССР»».

Название набрано прописными буквами, ибо мотивированный призыв к созданию в Израиле организации для защиты бывших советских граждан составляет существо письма. Этот призыв варьируется на все лады, рассматривается с разных сторон, аргументируется, обосновывается, доказывается.

Кем, однако?

Не написал ли столь невыгодное для израильских властей письмо убежденный антисионист, до конца разочаровавшийся в Израиле и оклеветавший его? Или нет? Не его ли невзгодами объясняются бескомпромиссно точные оценки трагического положения бывших советских граждан на израильской чужбине? Не дошел ли он до подпольных контактов с сионистскими «бойкотерами»?

Нет, нет и нет. Этое задало до обращения в журнал «Шалом» автор письма успел сделать в Израиле необычайную карьеру, ибо сразу же по приезде стал ретивым сотрудником одного из сионистских служб, специально созданных для заманивания советских граждан в «страну обетованную». Руководители службы превозносят изобретательность и интуицию нового агента, признавая, что он достиг своей цели с помощью провокационных средств. По той же причине этого человека провозглашают и многие, кто не выражавшие из Израиля одним и многочисленными беженцами, которых он продолжает преследовать в Рим и Вене.

Проклинает Якова Сусленского и родившая его мать. Вросла же, большую и престарелую, в Венедрах, сынок унялся за рубежом, туда где так высоко ценится пре-

дательская клетка на Советскую страну. И, как видите, даже такой отстойный измешок, сразу же завоевавший признание сионистских кругов, вынужден был выступить с предложением создать в Израиле организацию для защиты тех, кому он и его друзья заманивают туда, лживо именую репатриантами. Чтобы окончательно не потерять остатки доверия обманутых им людей, Суверелсин счел выгодным для себя публично сказать то, чему он давно и многого говорил с волнением бывшие советские граждане, в полной мере опустившие свое обещание в Израиле.

Девушка из Беэр-Шева, выходя, поведает парижскому кафе горючую правду о жизни переселенцев в Израиле. Правду, которую с хорошей миной при плохой ирре приходится признавать и сионистским агентам.

ИСПОВЕДУЮЩИЕ ЛОЖЬ

По мысли Маяковского, важно знать достаточно мало, чтобы не упустить из виду главного.

Мы с вами узнали, читатель, о поседельстве двух французских сионистских организаций, но, к счастью, достаточно мало, чтобы не упустить главного: сионистские организации во Франции, как и в любой капиталистической стране, ощущают себя составной, действующей частью международного сионизма и покорно подчиняются решениям находящимся в США и Израиле центрах своего движения. Попытки представить французских сионистов этнически розовенькими чиселлонами «не от мира сего», якобы потугами в эфирическую интеллигентную атмосферу высокой теории, столь же лицемерны, как и разглагольствования сионистов Великобритании о том, что они работают «в белых перчатках» или «со слезинкой».

Знакомые переводы камуфляжных мотивов. Времени от времени, как я говорил в самом начале этих очерков, они доносятся из любой западной страны.

Французские сионисты, однако, особенно любят патетически провозглашать:

— Да разве же мы позволим себе то, на что способны штурмовые отряды, созданные раввином Кахане в Америке!

Да разве же можно нагнать на себя нас хотя бы одного, кто действует по примеру израильских экстремистов из «Гуш-Эмуним», идущих к палестинам на оккупированных землях с автоматами и бомбами! Да разве же не очевидно, что мы никогда не переступаем грани, за которой начинаются принуждение, провокация, диверсия!

Увы, очевидно совершенно противоположное.

Конечно, мне трудно из числа французских сионистов поименно назвать практических последователей Меира Кахане или эмиссаров, лично исповедующих каннибальские взгляды карателей из «Гуш-Эмуним». И не в этом суть! Важно другое: вся без исключения практическая деятельность сионистов Франции, подобно делам их собратьев в других западных странах, поодерживает терроризм из кахановских банд, вдохновляет дубебургов из «Гуш-Эмуним», способствует осуществлению всех акций, намеченных Всемирной сионистской организации. Всемирным еврейским конгрессом и Еврейским агентством для Израиля (Сохнотом).

Эта деятельность, осуществляемая по заказанному сценарию, направлена на замещение в Израиле еврейской бедноты из западных стран и ихс (ни более ни менее — Ц. С.) граждан еврейской национальности из стран социалистических. Она провозглашает антинормализм и ставит своей задачей безоговорочное оправдание любых карательных операций Израиля против палестинцев, любых его военных нападений на арабские страны, как бы ни выпирала юрчиная подкладка таких разрозненных действий. Она укрепляет финансовую мощь международного сионизма, стоящего на страже классовых интересов капиталистических монополий и мирового империализма.

Она шовинистична, антидемократична и противонародна на каждом шагу, и это закономерно выдвигает ее в авангард антисоветизма.

А если говорить о хронических попытках сионистов ковылять по линии своих планов и попользоваться от государства, где они действуют, то французские сионисты в этом отношении особенно разгузданы, нагл, нахраписты. Десятьнасто таких они в коммюте, когда государственные деловые Франции демонстрируют свое справедливое понимание того, что творит Израиль под покровительством США на Ближнем Востоке. Тут уж вздымаются неистовая буря клеветы на правительство, на государство, на народ.

Как их единомышленники во всем мире, французские сионисты исповедуют ложь. А если расставить все по местам, они намного чище, лицемерно рассуждают с откровенностью, мудреней камуфлируют свои планы, лицемерней изрекают свои призывы.

Скажем, в Англии к съездам правящих партий ежегодно публикуются документы, не только раскрывающие, но и официально рекламирующие деятельность сионистского лобби. А попробуйте спросить французского сиониста о лоббистах, он взглянет на вас, как на идиотов.

В Голландии, например, открыто стыдят неаккуратных шкелетаров, публично неукротим злостных неплательщиков регулярных и внеочередных «пожертвований».

А во французских сионистских кругах о «шкелет» лицемерно рассуждают с откровенным видом как о чем-то старомодном, архаичном и неведомом, хотя прекрасно ведомо, что в сионистскую кассу дерут с французского еврея более увесистой дань, нежели с голландского.

Сионистские организации во многих западноевропейских странах, допустим, в Бельгии, открыто призывают своих членов не противиться руке помощи бежанцам из Израиля, а в Германии, Франции и других странах. Инструкции французских сионистов на сей счет более жестки и безжалостны (в них фигурирует словечко «депортация»), но зато заискусственны.

В Англии, Франции, Бельгии и других странах организации любого оттенка шовинизма и без стеснения поддерживают на всех перекрестках бесчеловечную расправу израильских с арабским населением оккупированных территорий. В Франции точно также взгляды сионисты высказывают публично и только среди своих. Но вполне убежденно.

Вот какой густой паутиной изощренной лжи опутали свою каждодневную деятельность, свои крупные операции и мелкие действия французские сионисты. Это делает их особенно опасными врагами демократии и прогресса. Это тайт для их жертв повышенную угрозу. Ведь, по справедливому утверждению великого поэта Кюри Бондара, у любого человечества один и тот же враг — ложь.

Ложь! Слышите, господа «теоретики»?

— Часа за полтора до отъезда на аэродром «Пари де Гол» узнал я дикий выходок молодого сиониста, студента одной из высших школ Парижа. На занятиях он публично обвинил равнодушную к сионизму студентку еврейского происхождения в предательском забвении «обязательных интересов Израиля». Самое несвертное: сионист воспользовался для своих нападков выступлением на семинаре, посвященном... творчеству выдающегося французского драматурга XVIII века Франсуа Реньяра.

Реньяр! В юности, робко начиная свои драматургические опыты, я считался с его талантливыми сатирическими комедиями и восхищенно повторял слова Вольтера: «Кому не нравился Реньяр, тот не достоин восхищаться Мольером». И в самом деле, немало меня из Парижа, исполнил немало острых, разнших, беспощадных режиссированных, как нельзя более приложимых к сегодняшнему сионизму. Суть его — в личной власти денег, крайнем бесстыдстве, лживых сердцах и делах.

Н 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
Г. ТРОПОЛЬСКОГО

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПРАВДА

Даже если бы Гавриил Тропольский не написал после «Записок агронома» ни единой строки, его имя осталось бы в литературе: настолько глубоко и своеобразно был тот тип расказов. Мудро, заинтересованно, вглядываясь в Тропольский на заботы и тревоги сельского труженика. Художник знал правду и боролся за нее своим творчеством. И всею своей жизнью.

По профессии Г. Тропольский агроном, но несомненно лет проработал на селе учителем. Было это в далекие двадцатые годы. Вот отсюда писателя прошли потоки все коренные перестройки села. Ему не надо было ничего думать, он брал факты и события действительности, наблюдал время, рисовал эпоху. Он фиксировал определенный отрезок истории. Многие из его рассказов и очерков сохраняют актуальность и поныне. В самом деле, разве нет и сегодня ученых, похожих на тех, что выведены Тропольским в повести «Кандидат наук»?

Здесь можно отметить, что писатель уделил много сил научной работе. Прежде чем выпустить в свет художественные произведения, он написал несколько специальных книг. Вышел восемь сортов проса, сыл солидным селекционером.

Но воронежский агроном печататься не спешил. Не стал он рваться в литературу и тогда, когда известный пролетарский писатель И. Никандров, познакомившись с рассказами молодого автора, категорически посоветовал: «Ищите обязательного Тропольского, не оторвала от любящей работы — агронома-опытника публично в 1928 году — арымаха — «литературный Воронек» первого рассказа «Делуша».

Но почему можно считать необычной его литературную судьбу. В самом деле, редко кто из ставших потом известными писателей настоящего начинал публиковаться на грани своего пятидесятилетия. «Записки агронома» были опубликованы, когда их автору шел, скорее девятый год. С тех пор слова прикрасного воронежского прозаика шагало данью за пределы страны, а в 1975 году Тропольский был удостоен Государственной премии СССР за литературную повесть «Белый Вим Черное Ухо». Нравственно-воспитательное значение писателя огромно, и не только в агротехнике, позиции которого написан этот лирический шедевр советской прозы.

Размышляя о Тропольском, думаю о том, как счастливо сложилась в нем профессия (агроном, педагог, ученый, писатель) и о том, что в основном деле, писательством, он основательно вник в жизнь, в проблемы хозяйственных проблем, и тонким воспитателем, и человеком науки. И еще, напевно, отсюда высокая гражданская ответственность публициста, биополитика. Показ советской деревни в ее сложном историческом развитии, в ее бытовых горнях народной жизни, связь с современностью — вот что характеризует творчество Г. Тропольского.

На одной из недавних встреч с читателями Гавриил Тропольский говорил о жизни своего народа — его горестях и радостях — это самая большая правда для литератора. Сказал, конечно, не твердо. В этих словах писателя и содержание жизни, творчества, работы Г. Тропольского.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ТЕАТР ДЛЯ ВСЕХ РЕБЯТ

Сергей Владимирович Михалков с детьми.

— У вас, ребята, самая лучшая литература и самые лучшие театры, — сказал Сергей Владимирович Михалков, приветствуя всех.

Выступает Анастасия Платонова Зуева.

собрались в зале московского детского музыкального театра на открытии первой всесоюзной и седьмой всероссийской недели «Театр — детям и юношеству».

Большое театральное представление показали устроители «недели» отрывки из лучших столичных спектаклей, кадры документальной хроники. Выступили мастера советской сцены — народные артисты РСФСР Ю. Кюров и Н. Подгорный, заслуженные артисты РСФСР Д. Семенов, В. Анисимов. Бурными аплодисментами встретили народную артистку СССР Анастасию Платонову Зуеву.

День открытия «недели» стал настоящим праздником для ребят всех нашей страны. Во всех лучших городах в этот день — и всю неделю — в театрах шли лучшие детские спектакли. Многие театры приготовили к этому времени премьеры.

Т. НИКОЛАЕВА

Ф. О. БОНИНГА

КУБОК

«ОГОНЬКА»

У Р. ДАСАЕВА

В почетный строй лучших вратарей страны и обладателей Кубка «Огонька» встал еще один страж футбольных ворот — Ренат Дасаев. Два десятилетия журнал «Огонек» в конце каждого футбольного сезона определяет лучшего вратаря. За эти годы Кубок «Огонька» вручался Л. Яшину (трижды), В. Маслаченко, Е. Рудakovу (трижды), В. Банинникову (дважды), А. Кавказашвили (дважды), А. Прохорову (дважды), С. Котридзе, Ю. Пшеничникову, В. Пильгуну, В. Астаповскому, Ю. Дятлеву, О. Габелин. И вот определенно лучший вратарь сезона 1980 года.

Три года назад двадцатилетний вратарь команды «Волгарь» из Астрахани Ренат Дасаев пришел в команду «Спартак» и за этот небольшой срок стал одним из самых перспективных голкиперов страны, первым вратарем сборной СССР. Конечно, спортивный путь молодого спортсмена не всегда усыпан розами. Были у него и неудачи, отдельные промахи, но общий итог в его пользу. Защищая ворота «Спартан», он внес свою немалую вклад в прошлый сезон. В чемпионате страны он в нынешнем году помог своей команде завоевать серебряные медали. Достаточно уверенно проводит он игры и в сборной команде страны.

Редакция журнала «Огонек» желает своему лауреату новых больших успехов.

НИКОЛАЙ ЕЛИН, ВЛАДИМИР КАШАЕВ

Иван Сергеевич Томина лежал на берегу Средиземного моря и задумчиво заглядывал песком босыми ногами.

— Вода не очень холодная? — услышал он мелодичный голос. Томина живо обернулся и увидел высокую интересную женщину с длинными темными волосами. Она была не из его родной Сибири. Он пригласил ее и узнал Софию Лорен. Но в этот миг набегавшая волна обогнала Ивану Сергеевичу холодом плечи.

— Черт, чего это она такая холодная? — вскрикнул он, отерев ладони. И... проснулся. Его комната была полна воды, словно огромный аквамарин, в котором вместо рыбок плавали, лениво покачивая хвостами, коски Ивану Сергеевичу. Его любимый переливавшийся галстук, чулки жены, еще накапало мелочь. Оттуда из дальнего угла стремительно, как акула, вынырнула брошка с хищной распахнутой пастью, проглотила коски и, подкаленные мощным потоком, понеслись в коридор охотиться за зазевавшимся мелюзгом. Вода поступала уже к самому краю кровати, лила на свешившуюся с кровати Томина и королева совать с него и отправить в дальнее плавание плывущее одеяло.

— Томи! — закричал Иван Сергеевич, вскакивая на подушку и становясь похолодевшими на кончики пальцев. — Навождение! Нас затопляет! — Жена тоже вскопчила и застала по комнате. — Нады, выноси хрусталь и денюжки! — командовал со своего капитанского мостика Томина. — Мама, надените на детей все самое дорогое и плавайте с ними и выходите! Пробивайтесь на крышу! Я сейчас сообщу о наводнении в милицию. Пусть срочно высылают вертолет!

Какие там наводнения! — сердито сказала вошедшая в спальню теща, раскатав вольны могучими, как пикиров, телом. — Просто в ванную воду лопнула!

— Труба? — обрадовался Иван Сергеевич. — Значит, не стихийное бедствие! Ну, это еще ничего! Тогда так, Нады, сноси хрусталь на шкафы! Денюжки и детей давай мне! Вы, мамы, выносите пылесос! Попробуем откачать воду. А я пока позвоню в милицию, слесаря вызову.

— Я уже звонила в диспетчерскую — отказались, теща откатывает из-под кровати пылесос. — Там никто не отвечает.

— Тогда вызову аварийную! — решительно заявил Томина.

Туда я тоже звонил. Они сказали, что раньше девяти утра приехать не могут. Все машины в разрыве.

— Так-так... слесаря растерялся Иван Сергеевич. Что же делать будет? Нады, ты кончила с хрустальем? Тогда бери детей и ведро и начинайте выливать воду. Мама, вы еще не достали пылесос? Нетчик, так вы не достали пылесос! Идите под кровати. А я пока поставлю пылесос на затопленную трубу. Нады, дай мне кусок брезента, чтобы накрыть трубу. И давай! Это же немецкий гоубелен! Идите за мной!

Иван Сергеевич присел, отжал, не спрыгнув в пучину и решительно напоролась и закричала: — Трубы фонтаном бьют вода.

— Черт, что же делать, а? Ведь все имущество! Но дну подать! Столько лет начинали! — и все рыбами и помыками! Ну нет. В эту трудную минуту Иван Сергеевич вдруг вспомнил, что моря-

ки в критической ситуации закрывают пробойники своего тела. Томина поемилась. Он поцеловал жену, прошептал помазал рукой детей и, бросившись к трубе, отступил на нее всей тяжестью своего тела. Струя брызнула, всплывала и иссякла.

В это время теща выключила отключив пылесос и принялась откачивать воду. Жена всзвизг за ведро, дети выскочили в тазиком.

Поживай, поживей! — командовала Иван Сергеевич. — Вода ледяная, холодно сидеть!

К трубе со воду вычерпали. Жена нахуло вытерла пол, теща побегала звонить в аварийную. В аварийную она вернулась растерзанная.

— Тот дежурный сменился, а новый сказал, что сегодня суббота...

— Ну и что? — метерливая перестала.

— Оказалось, в субботу они не выезжают. У них только одна машина, и они держат ее на случай серьезной аварии.

А у нас что же, несерьезно? — сердито вскрикнул Иван Сергеевич. В тот же миг из-под него со звоном выскочила ледяная струя. Томина выругалась, как профессорный босман, и снова оседла трубу.

Они просили нас продержаться до завтрашнего утра, когда теща. — Если у них будет все спойнор, то они приедут машину.

— Вечером дежурный, аварийной службы ответил теще, что машина на обочине, и попросил передать Ивану Сергеевичу, чтобы он переехал до утра.

На следующий день уже все на аварийной звонили о поступке Томина. В воскресенье утром очередной дежурный сказал по телефону, что они выискали имущество и находились подосланные Томина, что попомчи, и сожаление, пока не преставили, потому что сейчас их дежурит ученик, и если он придет, то может быть еще хуже, а пока на посту находится томи Томина, они там, в аварийной, совершенно спокойны, так как знают, что это гораздо надежнее. Они просили позвонить часа в четыре, потому что к этому времени должен заступить на дежурство опытный мастер, который и Ивану Сергеевичу приедет вне всякой очереди.

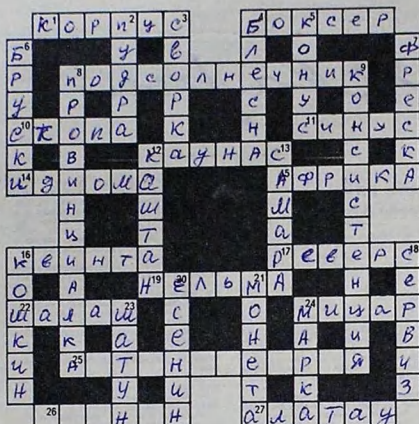
В четыре часа сообщения, что мастер заступил, но что у него нет нужных инструментов, так как кладовщик в воскресенье поехал. Дежурный попросил подождать до понедельника и сказал, что он собирается написать о благородном поступке Томина в газету и в своем многотиражном издании, что такие люди украшают жизнь, и что в районном аварийной службы.

Мастера приехали в среду, они быстро забрали по лестнице и энергично позвонили.

Наконец дождались! — сердито процедила теща, открывшая дверь. — Что же сегодня почините трубу?

— Сегодня некогда, минаш! — отмахнулся аварийщик. — Мы вам пока просто воду перекроем, а починим как-нибудь в другой раз. Не обессудьте, торпиримся. Нам поручили срочно перебраться в товарищеский Томина на боевые объекты...

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Войсковое соединение. 4. Порода собак. 8. Масличное растение. 10. Основная ритмическая единица стихотворной речи. 11. Тригонометрическая функция. 12. Город в Литве. 14. Словосочетание, свойственное только определенному языку. 15. Матрикс. 16. Музыкальный интервал. 17. Оборотная сторона монеты, монеты. 19. Лососевая рыба. 22. Палатка из железа, покрытая ветками, соломой. 24. Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. 25. Газета в Германии. 26. Химический элемент. 27. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири.

По вертикали: 2. Косметическое средство. 3. Ремень, на котором водят охотничьи собаки. 4. Искусственная приманка для рыбы. 5. Геометрическое тело. 6. Роман Ф. И. Панфорова. 7. Животное по своей структуре. 8. Песня И. С. Тургенева. 9. Степень густоты вязких жидкостей. 12. Дароо семейства буюков. 13. Приток Волги. 16. Действующее лицо пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая». 18. Полный набор столовых для чайной посуды. 20. Число полных «баллад о двадцати шести». 21. Металлический денежный знак. 23. Деталь криповинного механизма. 24. Знак оплаты почтовых, гербовых сборов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 2. Саванна. 4. Прокоев. 8. Кингстасеция. 12. Вискометрия. 14. Кондериито. 15. Процион. 16. Чудара. 17. Кислота. 18. Суматра. 20. Осман. 21. «Контраст». 25. Состояние. 26. «Гипотеза». 28. Вискометрия. 29. Интриганти. 30. Ахуидов.

По вертикали: 1. Задонск. 2. Спринтер. 3. Аленинск. 5. Автопогружение. 6. Нивелирование. 7. Глиэр. 9. Нонет. 10. Плавчатка. 11. Столетник. 13. Алуэкс. 14. Картиг. 19. Уголь. 22. Газет. 23. Ананюнда. 24. Дмитриев. 27. Пиннино.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: МОСКВА.

Фото Д.М. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Печенье изразцов. XVIII век * Терракотовый изразец «Але». Москва. XVI век * Фрагмент камина. Абрамцевская мастерская. Конец XIX века * Керамическое панно «Растение» из Борисоглебского собора в городе Старце. XVI век * «Плавник». Фрагмент камина из дома М. С. Кузнецова в Москве. Конец XIX века * «Птица». Мозаичный рельефный изразец из декора колокольни церкви Николая Явленного в Москве. XVII век * Камень. Абрамцевская мастерская. Конец XIX века (см. в номере материал «Русский изразец»).

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), А. М. ИВАНОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней связи — 250-36-68; Международной — 212-90-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-88; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Наука и техника — 212-61-68; Юмор — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-19-19; Оформление — 212-15-77; Прием — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.11.80. Подписано к печати 02.12.80. А 00463. Формат 70х108. Губовая печать. Усл. печ. л. 2,0. Усл. изд. л. 11,56. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2761. Заказ № 3250.

Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125965, Москва, А-137, ГСП, улица «Правда», 24.

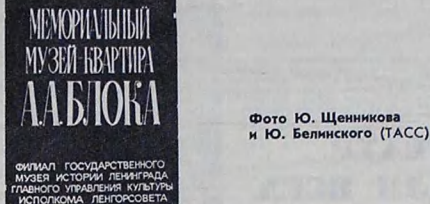

Фото Ю. Щеникова и Ю. Белинского (ТАСС)

ФИЛИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Ленинград — город, стоящий у моря. Но лишь недавно онками новых «квартил», выстроенных на берегу Финского залива, взглянул он в туманные балтийские дали. А в начале века едва ли не по бланкам можно было переписать дома, с верхних этажей которых открывался вид. Хотя бы углубился за теснотой заводских корпусов поспешивший, наполненный вечным движением торпильных волн простор. В одном из таких домов, в доме сером и высоким у морских ворот Невы, на Офицерской, 57, жил Блок. Из окна его кабинета за мягким изгибом тесной Принки был виден частный возмущающийся из здания маяк.

Озаренная Блоком, я впервые поступала в его бывшую квартиру лет двадцать назад. Был принят вежливо, но несильно усталое, ибо мысль показавшаяся мне счастливой, не была таким уж большим счастьем для хозяев: сюда стремились спешно многие. И непонятно, как запоминать лишь алая звездочка олимпийской годинки, оставленная у дверей кем-то из еще более робких посетителей. Прессинг пришел лишь сейчас: по светлой, заткнутой зеленой дорожкой лестнице я поднимаюсь на четвертый этаж, и трону надрывающую от солнечного сияния темную медь, переступая заветный порог. Переступая след за Ахматовой и Мандельштамом, Есениным, Станиславским, Мейерхольдом... И вижу, что, видела никогда они, — теплый уют высоких комнат, приметных удивительной, столь свойственной Блоку во всем чистотой, Гостиня, спальни, столовой, кабинета... Все, как было при нем, и за всем видится кропотливый, любовный работа многих людей, по крупицам, по обрывкам воспоминаний воссоздавших реальную, лишенную искусственного музейного глянца обстановку жилой квартиры.

Сорек лет назад, после смерти жены поэта Л. Д. Менделеевой-Блок, его библиотеку, мебель, личные вещи, рукописи были переданы Институции русской литературы АН СССР (Пушкинскому Дому). Это, конечно, в немалой степени облегчало задачу, но возникали и трудности, потому, казалось бы, дельных от сугубо музейных работ. Так, в частности, пришлось с обилием. Какими они были в 1912 году, когда Блок переехал в свою новую, отремонтированную по его указаниям квартиру?

С поистине археологической кропотливостью, слой за слоем снимались со стен напластованные более чем столетий (дом построен в 1874 году). И по обрывкам датированных газет, прирочнику сопоставленных с описаниями современной обстановки, удалось точно выйти на музейную фабрику, где реставраторы оживили бы давно забытые, старые вещи, помогающие делались эти обои, давным-давно уничтожены. Однако поездка не оказалась напрасной. Важность начатого дела доказывать не пришлось — обществу точно воссозданы требовали, успешно выполнили особый заказ «для Блока».

Подобных примеров множество. Ибо не просто усилием специалистов, но поистине всенародной любовью создавался литературный музей.

Здесь нет ни случайных книг, ни случайных, просто соответствующих заданным датам вещей. Каждая — подлинник, каждая будит воспоминания. Репродукция мадонны Сассо-Феррато куплена Блоком в Дмитрияев. Старинный диалог, достигший в наследство от деда, ректора Императорского университета Андрея Николаевича Бенцова, знаменит тем, что на нем, по семейным рассказам, любил снимать Федор Михайлович Достоевский. Письменный стол за «двенадцать» Сокольников, сам, завершены «Ямбы», здесь, в этом кабинете, родился цикл, посвященный «Кармен», главы из поэмы «Возмездие» дана «Реквием» и «Искра».

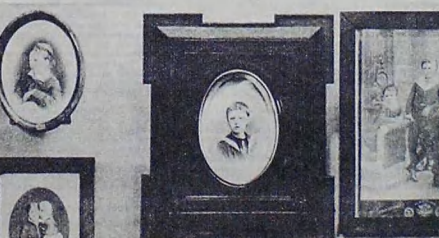
«...Может ли интеллигентка работать с большевиками? Момент не обаятелен! Это тоже прокручено, выстрадано здесь... Отсюда и сам поэт ушел в революцию».

Ушел, чтобы навсегда остаться в нашей благодарной памяти.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Ленинград.

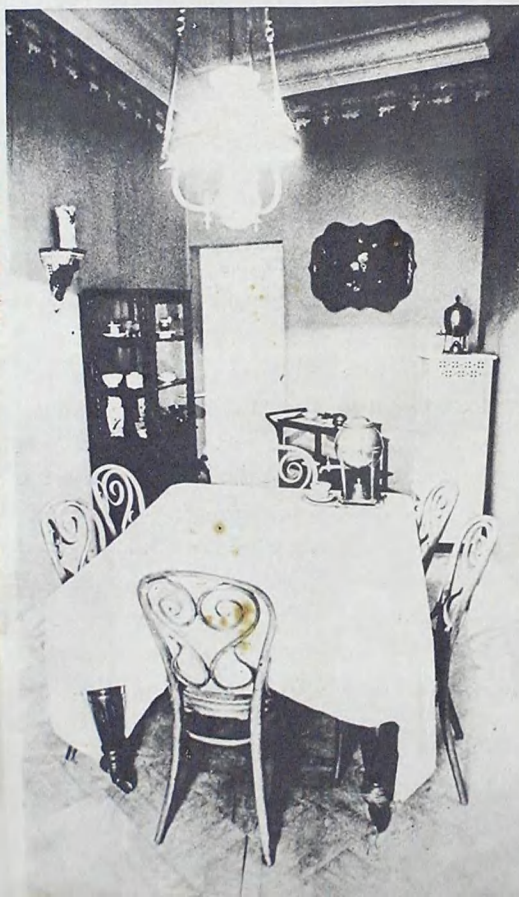
Реликвию.

Кабинет А. Блока.

Столовая в музее-квартире.

В музей пришла Елена Эрастовна Блок, родственница поэта.

Один из залов музея.

Цена номера 35 коп.
Номер 7063

ISSN 0131-0007